ЛБ15 / 365
13
3

С. Николаевъ.

Современная бурса

(изъ воспоминаній объ учительскомъ институтѣ).

„Это была какая-то организованная крамола воспитателей противъ воспитываемыхъ, крамола, въ которой крамольники получали жалованье и награждались орденами, а тѣ, противъ которыхъ была направлена ихъ разрушительная дѣятельность, должны были благодарить, что ихъ кормятъ свинствомъ“.

Салтыковъ. Письма къ тетенькѣ.

Цѣна 30 коп.

Изданіе В. В. Кирьякова.

МОСКВА.
Типографія О. Л. Сомовой, Москва, Большая Никитская, д. Шапошниковой.
1905.

Iб
Iафiа

1515
365

С. Николаевъ.

Современная бурса

(изъ воспоминаній объ учительскомъ институтѣ).

Изданіе В. В. Кирьякова.

1636/7

МОСКВА.
Типографія О. Л. Сомовой, Москва, Большая Никитская, д. Шапошниковой.
1905.

Дозволено цензурою. СПБ. 1 декабря 1904 года.

Государств. Публичная ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
778839

Современная бурса.

Изъ воспоминаній объ учительскомъ институтѣ.

„Это была какая-то организованная крамола воспитателей противъ воспитываемыхъ, крамола, въ которой крамольники получали жалованье и награждались орденами, а тѣ, противъ которыхъ была направлена ихъ разрушительная дѣятельность, должны были благодарить, что ихъ кормятъ свинствомъ“.

Салтыковъ. Письма къ тетенькѣ.

Предъ вратами рая.

ГЛАВА I.

19-го августа въ девятомъ часу утра къ небольшому двухъ-этажному зданію подходили по одному, подвое и потрое молодые люди и спѣшно проходили въ ворота. Скромное по виду зданіе было окрашено въ бѣлую краску, и наверху подъ карнизомъ бѣлыми же едва выступавшими буквами значилось: „Учительскій Институтъ“.

Здѣсь въ этотъ день начинались пріемные экзамены. Въ девять часовъ въ институтской залѣ гудѣла толпа въ 130-140 человѣкъ. Каждый годъ приблизительно такое же число молодыхъ людей пріѣзжаетъ

сюда изъ десяти губерній попытать своего счастья.

Пестро и разнокалиберно было собравшееся здѣсь общество. Мальчики въ шестнадцать лѣтъ въ сѣренькихъ курткахъ, только что окончившіе старшее городское училище; девятнадцати и двадцатилѣтніе юноши съ пушкомъ на губахъ, весной вышедшіе изъ учительскихъ семинарій или уже пробывшіе годъ—два въ сельскихъ учителяхъ; наконецъ, совсѣмъ солидные люди съ солидной бородой и усами, прослужившіе 6—7 лѣтъ въ сельскихъ учителяхъ и имѣвшіе по 26 лѣтъ отъ роду. Сюртуки, пиджаки, куртки на пріѣзжихъ были разнаго покроя, но всѣ одинаково скромные. Въ собравшейся толпѣ были слышны оттѣнки въ выговорѣ каждой изъ десяти губерній, чаще же слышалось „о“, рѣзавшее слухъ привыкшаго къ московскому говору.

На всѣхъ лицахъ выражалось волненіе и тревога. Наступалъ моментъ, когда для многихъ рѣшалось вся ихъ дальнѣйшая судьба.

Скучная механическая работа въ почтовой, телеграфной конторѣ, составленіе съ утра до вечера счетовъ за прилавкомъ купца, работа въ отцовской кузницѣ, возвращеніе къ тяжелой, приниженной жизни сельскаго учителя или... или осуществленіе лучшихъ завѣтныхъ желаній, возможность полезной, творческой дѣятельности и разумной человѣческой жизни,— все это ставилось на карту, все зависѣло отъ того, удастся ли перескочить черезъ всѣ барьеры и рвы, притти въ первую голову къ призовому столбу.

А счастье такъ призрачно!.. Изъ 130 человѣкъ, пріѣхавшихъ экзаменоваться, будутъ приняты всего 20, а изъ нихъ лишь 10 на казенный счетъ—стипендіатами, остальные 10 должны уплатить за первый годъ ученія и содержанія въ институтѣ (институтъ

учебное заведеніе закрытое, и всѣ воспитанники въ немъ—живущіе) по 250 рублей. Это такая сумма, которую большинство пріѣхавшихъ не имѣетъ и не въ состояніи достать заимообразно. Чтобы съ перваго же года учиться на казенный счетъ, нужно на пріемныхъ экзаменахъ изъ 130 человѣкъ попасть въ первый десятокъ. Слѣдовательно, необходимо, во что бы то ни стало, оттѣснить 120 человѣкъ, чтобы расчистить себѣ мѣсто. Понятно, что въ такомъ состязаніи наряду со способностями и знаніями пріобрѣтаетъ большое значеніе случайность.

Если предположить, что малоспособныхъ и слабо подготовленныхъ половина всего числа пріѣхавшихъ, то изъ остальныхъ 65 человѣкъ—45 все-таки должны уѣхать обратно. А такъ какъ трудность поступленія въ институтъ извѣстна каждому пріѣзжающему, и и большинство является съ твердымъ знаніемъ программы, то естественно, что преподаватели должны заниматься на экзаменахъ проваливаніемъ.

Пока шла запись явившихся на экзамены въ залѣ слышался говоръ, раздавались шутки, пророчества, угадыванія судьбы. Было порядочное число пріѣхавшихъ на экзамены во второй и третій разъ. Они уже знали требованія и привычки экзаменаторовъ.

Къ десяти часамъ перекличка кончилась, и всѣ экзаменующіеся размѣстились въ три классныя комнаты. Въ первый день экзаменъ состоялъ изъ письменныхъ работъ по русскому языку—диктантъ и сочиненіе. Сочиненіе давалось на тему въ родѣ: „Терпѣніе и трудъ все перетрутъ“, „Что посѣешь, то и пожнешь“, „Миръ есть основаніе благодѣтствія народовъ“, „Зависимость человѣка отъ природы“ и т. д. На слѣдующій день передъ письменными экзаменами по ариѳметикѣ и геометріи оказалось, что армія

уже въ первомъ сраженіи потеряла третью часть своего числа: 40 человѣкъ легли костьми, получивъ неудовлетворительныя отмѣтки за письменныя работы по русскому языку; имъ было предложено взять документы и возвратиться восвояси. Такое же „избіеніе младенцевъ“ произошло и во второй день на письменномъ экзаменѣ по математикѣ. На третій день, когда производились устные экзамены по всѣмъ предметамъ, оставалось около 70 человѣкъ. Изъ нихъ въ этотъ день подлежали закланію еще 50 человѣкъ.

Каждый экзаменаторъ пускалъ въ ходъ свое искусство проваливать, задавая такіе вопросы, для рѣшенія которыхъ не требовалось ни знаній, ни сообразительности, но которые навѣрняка убивали подвернувшуюся жертву.

— Срѣзался! — говорилъ, выходя въ сосѣднюю комнату, высокій плечистый сельскій учитель, весь потный и красный, не обращая своего восклицанія ни къ кому въ особенности.

— По какому предмету?—раздавался со всѣхъ сторонъ вопросъ.

— По славянскому! Спрашиваетъ Шаховской меня: „какая часть рѣчи—„одебѣлѣ“? А чортъ ее знаетъ, какая; я сказалъ—„нарѣчіе“ и получилъ—два“.

— Просыпался по русскому!—восклицалъ взволнованный вылетѣвшій изъ экзаменаціонной комнаты красивый молодой человѣкъ изъ учителей. —Шаховской спросилъ: какое мѣстоименіе „его“? Я отвѣчаю: „личное“, а онъ мнѣ—колъ! Въ такомъ случаѣ, говорю, какое же? Меня учили, я учу и во всѣхъ грамматикахъ сказано, что „его“—личное мѣстоименіе третьяго лица! А онъ мнѣ: личныхъ мѣстоименій только два, а „онъ“—указательное-съ!

— По закону ухнулъ! Забылъ, какой есть текстъ

въ катехизисѣ о злыхъ духахъ,—скорбно говорилъ учитель въ форменномъ сюртукѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Къ потерпѣвшимъ присоединяется шестнадцатилѣтній юноша со слезами на глазахъ. Его погубила географія. Экзаменаторъ потребовалъ отвернуться отъ карты и назвать всѣ губерніи по Волгѣ и ея притокамъ; онъ пропустилъ двѣ и получилъ—два.

Такъ до вечера продолжается избіеніе. Кто еще не терялъ надежды достигнуть желанной цѣли, тотъ съ скрытой радостью слѣдилъ за всѣми неудачами товарищей. Большинство же съ горькимъ чувствомъ досады, оскорбленнаго самолюбія и озлобленія уже знало, что судьба ихъ рѣшена, что они не вынули счастливаго билетика, и что имъ придется услыхать приглашеніе—пріѣхать на слѣдующій годъ. Нѣкоторые, знавшіе безнадежность своего положенія, уѣзжали домой.

На слѣдующій день послѣ устныхъ испытаній въ институтской залѣ утромъ опять стояла толпа человѣкъ въ 40. Лица были серіозны и напряженны, въ движеніяхъ замѣчалась нервность.

Изъ учительской комнаты въ залу выходитъ директоръ, держа въ рукахъ списокъ принятыхъ лицъ. Сразу наступаетъ тишина. Многіе слышатъ, какъ въ груди тревожно застучало сердце. Вотъ произносятся фамиліи, и счастливецъ, облегченно вздыхая, отдѣляется отъ толпы и съ радостной улыбкой отходитъ въ сторону. Вотъ уже прочитана послѣдняя двадцатая фамилія, и директоръ обращается къ оставшимся за флагомъ съ любезнымъ приглашеніемъ пріѣхать еще разъ, выражая увѣренность, что тогда педагогическій совѣтъ института приметъ во вниманіе ихъ твердое желаніе поступить въ институтъ.

Въ залѣ происходитъ движеніе: одни идутъ взять обратно документы, другіе—счастливые расходятся тоже, чтобы послѣ двухдневнаго отдыха переѣхать на житье въ институтъ.

Тѣ счастливцы, которыхъ институтъ принялъ въ свои стѣны, вскорѣ оказываются далеко не изъ способныхъ. Казалось бы, что при такомъ отчаянномъ конкурсѣ для поступленія легче верблюдамъ пролѣзть сквозь игольныя уши, чѣмъ неспособнымъ попасть въ институтъ; однако, каждый годъ въ числѣ принятыхъ оказываются и совершенныя тупицы и люди съ самыми жалкими способностями, на которыхъ потомъ дивятся сами же экзаменаторы. Причина понятна. При принятой системѣ трехдневныхъ экзаменовъ съ провалами, съ нелѣпыми вопросами совершенно невозможно опредѣлить способности, знанія и развитіе желающихъ поступить кандидатовъ; попадаетъ посредственность, а лучшіе элементы остаются за бортомъ. Особенно печальны были случаи, когда поступленію содѣйствовали хорошій голосъ или письмо отъ вліятельнаго лица.

Черезъ два дня послѣ экзаменовъ принятые въ институтъ „счастливцы“ переселились на новоселье, вымылись въ банѣ, сбрили усы и бороды, такъ какъ носить это украшеніе воспрещалось инструкціей, помолились въ домовой институтской церкви и съ нѣкоторымъ чувствомъ боязни и благоговѣнія приготовились начать новую жизнь.

И вотъ началась эта новая жизнь...

Ареопагъ.

ГЛАВА. II

Приступая къ описанію этой жизни, я начну съ

того, кто болѣе всѣхъ давалъ ей тонъ и направленіе и былъ въ ней центральной фигурой.

Директоромъ института былъ старикъ лѣтъ пятидесяти пяти, еще бодрый и крѣпкій, съ рѣзкими чертами лица и красивой серебряно-бѣлой бородой. Онъ уже отпраздновалъ 30-тилѣтіе своей педагогической дѣятельности. Его учебники и методика пользовались широкой извѣстностью, и самъ онъ считался отличнымъ преподавателемъ своего предмета; за свое искусное преподаваніе и тактичность онъ пользовался уваженіемъ воспитанниковъ, когда былъ преподавателемъ института. Назначеніе на должность директора съ предложеніемъ „подтянуть“ произвело въ немъ рѣзкую перемѣну: раньше подъ оболочкой педагога не такъ замѣтенъ былъ „человѣкъ въ футлярѣ“; теперь же этотъ „футлярный человѣкъ“ получилъ большую власть и наложилъ на окружающую жизнь свою мертвящую руку.

Деспотъ по натурѣ, онъ былъ неограниченнымъ правителемъ въ своемъ небольшомъ царствѣ. Преподавателей онъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Полная возможность открывалась для него подобрать въ институтъ наиболѣе талантливыхъ изъ среды преподавателей гимназій и реальныхъ училищъ. Но талантливые люди чаще обнаруживаютъ самостоятельные взгляды на вещи и не поступятся своими убѣжденіями ради интересовъ служебной карьеры; а всякая самостоятельность въ преподавателѣ стала бы для директора костью поперекъ горла. Поэтому онъ предпочиталъ людей, прежде всего готовыхъ всегда и во всемъ соглашаться съ мнѣніемъ начальства. Преподаватели даровитые, съ знаніями, случайно попадавшіе въ институтъ, удерживались тамъ недолго, самое большее годъ—два. Одинъ за другимъ ушли

изъ института трое преподавателей исторіи, извѣстные въ городѣ, какъ лучшія педагогическія силы. Одинъ изъ нихъ вмѣсто преподаванія исторіи по учебнику Иловайскаго сталъ читать лекціи. Лекціи эти были изложены преподавателемъ, написаны на ремингтонѣ и въ количествѣ нѣсколькихъ экземпляровъ отданы въ классъ. Директоръ конфисковалъ эти записки не потому, что онъ имѣлъ что-либо противъ ихъ содержанія, а потому, что какимъ-то параграфомъ воспитанникамъ разрѣшалось пользоваться только печатными учебными руководствами. Въ концѣ учебнаго года преподаватель отказался отъ преподаванія. Два его преемника оставались также не болѣе одного года.

Сверхштатный преподаватель естественной исторіи, извѣстный въ педагогическимъ мірѣ, какъ талантливый и оригинальный лекторъ, кое-какъ протянулъ два года и ушелъ, будучи не въ силахъ далѣе выносить гнетъ институтскаго режима.

Зато прочно основывались люди, относившіеся къ преподаванію, какъ къ „службѣ“, и за ласку директора угодливо дѣлавшіеся его „очами и ушами“.

Эти „очи и уши“ изъ преподавателей института, учителей городского училища при институтѣ, сторожей, неустанно слѣдили за каждымъ шагомъ воспитанниковъ и о всемъ доносили директору. Ни одинъ малѣйшій поступокъ воспитанника не ускользалъ отъ зоркаго наблюденія директора и его присныхъ. По просьбѣ воспитанниковъ III-го класса преподаватель ручного труда согласился получать для нихъ газету „Русскія Вѣдомости“. Вскорѣ объ этомъ узналъ директоръ. Газета была конфискована, а преподаватель получилъ отъ директора нахлобучку.

Однажды въ концѣ марта трое воспитанниковъ

III-го класса послѣ жестокой репетиціи отправились въ девять часовъ вечера, когда уже запрещалось выходить изъ института, выпить чайку и побесѣдовать въ сосѣдній трактиръ. Въ началѣ одиннадцатаго они вернулись и спокойно улеглись спать. Дежурившій въ институтѣ преподаватель метематики слышалъ, что кто-то хлопнулъ дверью, узналъ отъ швейцара, что пришли трое воспитанниковъ, утромъ спросилъ у нихъ, куда ходили, и обѣщалъ не доводить дѣло до директора.

Прошло пять дней; успѣли уже забыть объ этомъ событіи, какъ пріѣзжаетъ преподаватель исторіи, Циферблатовъ, который случайно увидалъ воспитанниковъ, возвращавшихся вечеромъ въ институтъ. Циферблатовъ пригласилъ ихъ въ учительскую комнату и въ присутствіи преподавателя метематики обратился къ нимъ съ такими словами: „Господа, совѣтую вамъ самимъ разсказать директору о своемъ проступкѣ; въ противномъ случаѣ я долженъ буду сообщить ему, что встрѣтилъ васъ въ одиннадцатомъ часу около института. Лучше сознайтесь сами, меньше будетъ наказаніе; а директоръ все равно узнаетъ“.

— Мы не уходили изъ института; а если вамъ хочется, Иванъ Сергѣевичъ, о всякихъ пустякахъ докладывать директору, то какъ вамъ угодно.

— Слушайте, Иванъ Сергѣевичъ, - обратился къ Циферблатову преподаватель математики, когда воспитанники вышли изъ учительской комнаты.—Оставьте вы, ради Бога, это дѣло: вѣдь они черезъ мѣсяцъ самостоятельные люди, а вы имъ только замараете поведеніе передъ окончаніемъ курса, да и меня вы ставите въ неловкое положеніе...

— Нѣтъ, я долженъ донести: директоръ все равно узнаетъ.

Въ результатѣ—тяжелое объясненіе у преподавателя математики съ директоромъ и унизительное наказаніе для провинившихся воспитанниковъ. Воспитанники, изъ которыхъ одному уже стукнуло 30 лѣтъ, должны были въ теченіе двухъ недѣль являться три раза въ сутки на особую провѣрку къ дежурному преподавателю. Кромѣ того, всѣмъ былъ сбавленъ баллъ за поведеніе, а одинъ, учившійся на круглыя пятерки, вмѣсто золотой медали и мѣста учителя, былъ назначенъ учительскимъ помощникомъ въ трущебный городъ.

Твердо установившееся убѣжденіе, что директоръ все узнаетъ, получало постоянное подтвержденіе. Черезъ посредство „очей и ушей“ каждая мелочь ежедневной, будничной институтской жизни была извѣстна директору, и рѣшительно въ каждую мелочь онъ вмѣшивался.

— Вы, Семеновъ, сегодня недостаточно низко кланялись во время молитвы „Господи и Владыко живота моего“... А? Отчего это?—говорилъ онъ весьма солидному молодому человѣку.

— А васъ, Федоровъ, я совсѣмъ не видалъ за всенощной!.. А вотъ вы, Яковлевъ, двойку получили за алгебру...

— Помилуйте, Алексѣй Ивановичъ, въ нашемъ классѣ семнадцать человѣкъ получили по двойкѣ.

— А все-таки я вамъ не совѣтую въ другой разъ получать: вѣдь вы на казенной стипендіи?.. А вы, Флеровъ, почему вчера не были на спѣвкѣ?.. и т. д., и т. д.

Чиновникъ до мозга костей, онъ и изъ воспитанниковъ вырабатывалъ старательныхъ, послушныхъ и, главное, благонадежныхъ чиновниковъ, которые потомъ на службѣ старались бы „дойти до степе-

ней извѣстныхъ“, и которыми начальство могло бы пользоваться, какъ слѣпымъ орудіемъ. Всѣ блага, какими институтъ отличалъ воспитанниковъ примѣрныхъ, образцовыхъ, сыпались на головы тѣхъ, которые были „паиньками“, усердно отзубривали задаваемые уроки, строго выполняли всѣ дисциплинарныя правила, имѣли упругую спину, ласкались къ преподавателямъ и директору и никогда не обнаруживали ни духа критики, ни духа протеста.

Въ душу „паиньки“ директоръ всегда могъ заглянуть, какъ въ свою записную книжку, въ которой однѣ пустыя бѣлыя страницы и нѣтъ никакихъ „идей“, а есть только одна готовность... исполнить волю начальства. Въ эту пустую книжку онъ всегда могъ вписать такія правила, какъ: всякій человѣкъ можетъ получать блага жизни, только повинуясь волѣ начальства и т. п.

Приручение и обращеніе въ „паиньку“ совершалось не сразу, а постепенно—въ теченіе трехъ лѣтъ. Начиналось съ того, что когда характеры и способности вновь поступившихъ воспитанниковъ болѣе или менѣе опредѣлялись, директоръ вызывалъ къ себѣ трехъ или четырехъ изъ наиболѣе видныхъ и способныхъ, которые замѣтно становились въ оппозицію къ институтскому режиму, и предлагалъ имъ какія-нибудь должности — библіотекаря, церковнаго старосты, служителя въ алтарѣ, помощника письмоводителя и т. п.

За выполненіе такихъ обязанностей выдавалась при окончаніи курса денежная награда, а главное на такихъ должностныхъ лицъ начинали благосклоннѣе смотрѣть всѣ присные директору преподаватели, видѣть въ нихъ кандидатовъ на полученіе медалей и ставить имъ болѣе щедро отмѣтки. Предложеніе

директора нѣсколько удивляло и въ то же время льстило самолюбію такихъ избранниковъ. Они соглашались. Каждому казалось, что онъ можетъ сохранить свое независимое „я“ и въ то же время пріобрѣсти нѣкоторыя нелишнія блага: зачѣмъ же отказываться отъ галушекъ, когда онѣ сами лѣзутъ въ ротъ? За первой милостью слѣдовали разнаго рода выраженія директорскаго расположенія — льстивая похвала въ глаза, особенный ласковый тонъ, и мало-по-малу устанавливалась нравственная зависимость воспитанниковъ отъ директора.

Въ началѣ эта зависимость вызывала нѣкоторый душевный разладъ, когда при столкновеніи интересовъ товарищей и институтскаго начальства приходилось стать на чью-нибудь сторону; но спустя нѣкоторое время избранники уже безъ колебаній отходили въ сторону, когда среди товарищей раздавались голоса, требованіе протеста противъ несправедливостей или нелѣпостей институтской жизни. Свою систему приученія и нравственнаго порабощенія директоръ распространялъ на весь классъ, имѣя для того вѣрное средство: поступившіе въ первый классъ на свой счетъ 10 воспитанниковъ для полученія въ будущемъ году стипендіи напрягали всѣ силы, чтобы снискать себѣ расположеніе директора и преподавателей. Къ концу третьяго года получались весьма осязательные результаты: вмѣсто личности, способной къ иниціативѣ, къ критическому отношенію къ жизни, вырабатывались нравственныя убожества, карьеристы-чиновники.

Никто изъ воспитанниковъ не любилъ директора, а его протеже лишь лицемѣрно выражали ему свое почтеніе въ глаза, а за глаза не упускали случая ругнуть его.

Во время одной поѣздки въ монастырь, которая была предпринята съ цѣлью поддержать благочестіе, воспитанники на обратномъ пути перепились, и первые любимцы директора поносили его, сидѣвшаго въ томъ же вагонѣ, самыми сквернымп словами.

Таковъ былъ руководитель и глава учебнаго заведенія, гдѣ формировались будущіе педагоги.

Другимъ столпомъ института былъ преподаватель естественной исторіи. Онъ служилъ вмѣстѣ съ директоромъ съ самаго открытія института и также справилъ 30-лѣтіе своей педагогической дѣятельности. Его учебники были приняты въ городскихъ училищахъ; онъ былъ предсѣдателемъ и членомъ въ нѣсколькихъ обществахъ. По натурѣ это былъ живой и дѣятельный человѣкъ, но въ своей дѣятельности онъ былъ похожъ... на бѣлку въ колесѣ! Его губила двойственность: онъ одновременно хотѣлъ быть и полезнымъ общественнымъ работникомъ и примѣрнымъ чиновникомъ!

Въ его распоряженіи была воспріимчивая и жаждущая знаній аудиторія; онъ преподавалъ предметъ, который могъ перевернуть все міровоззрѣніе, и онъ никогда не сказалъ ни одного слова сверхъ программы Министерства Народнаго Просвѣщенія! Его курсъ естественной исторіи, составленный изъ ничѣмъ не связанныхъ между собой описаній минераловъ, растеній, животныхъ и человѣка, заключалъ въ себѣ безчисленное множество ненужныхъ мелкихъ подробностей, запомнить которыя не было возможности даже людямъ съ блестящей памятью. А онъ требовалъ, чтобы учебники его были выучены наизусть. Прохожденіе такого курса вызывало отвращеніе къ самому предмету естествознанія, и многіе изъ питомцевъ института

по окончаніи курса никогда больше не открывали книги по естествовѣдѣнію.

Чтобы показать свою любовь къ естественно-исторической наукѣ и тѣмъ заслужить расположеніе этого преподавателя, нужно было засушить десятка два бабочекъ или растеній. И вотъ 25-лѣтній молодой человѣкъ, знавшій наизусть признаки 75 семействъ растеній и засушившій 20 штукъ бабочекъ, но никогда не слыхавшій о Дарвинѣ, выставлялся, какъ идеалъ для цѣлаго класса.

Методъ преподаванія у этого преподавателя былъ тоже своеобразный. Въ университетѣ онъ учился на юридическомъ факультетѣ и готовился быть слѣдователемъ, но съ пятаго курса перешелъ на естественный факультетъ, намѣтивъ себѣ карьеру педагога. Замашки слѣдователя у него остались. Никто не могъ производить въ институтѣ дознаній и слѣдствій съ такимъ успѣхомъ, какъ это блестяще выполнялъ онъ.

Однажды двое воспитанниковъ III-го класса, недовольные законоучителемъ, положили ему въ шапку полбутылки водки и полфунта колбасы. Когда законоучитель взялся въ прихожей за шапку, изъ нея полетѣли водка и колбаса. Кромѣ двухъ, совершившихъ грѣхъ, никто изъ остальныхъ воспитанниковъ не зналъ, кѣмъ были положены водка и колбаса. Директоръ, пробившись цѣлую недѣлю, не отыскалъ виновныхъ. Наконецъ, дѣло было поручено преподавателю естественной исторіи. Онъ повелъ дѣло такъ, что скоро виновные сами сознались, поплатившись за содѣянное исключеніемъ изъ института.

Разсказывая или объясняя что-нибудь на урокахъ, онъ, подъ видомъ возбужденія самодѣятельности, устраивалъ ловлю незнающихъ.

— А вотъ я знаю, кто въ этомъ ряду не можетъ мнѣ отвѣтить на вопросъ: Ивановъ, Филипповъ, Савельевъ — не можете?

— Нѣтъ.

— А въ этомъ ряду вотъ кто не знаетъ: Семеновъ, Данилинъ, Флеровъ и Петровъ — не знаете?

— Нѣтъ.

И такъ далѣе. Когда пойманные въ сознаніи отвѣчали „нѣтъ“, лицо его сіяло самымъ искреннимъ удовольствіемъ. По адресу незнающихъ сыпались шуточки и остроты, отъ которыхъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ бросало въ краску.

Преподаваніе педагогики сводилось у него къ задалбливанію наизусть нѣсколькихъ главъ изъ книги Ушинскаго «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» объ ощущеніяхъ, памяти и воображеніи и къ выучиванію наизусть маленькаго учебничка логики Струве. Никто не слыхалъ на урокахъ педагогики ни о великихъ педагогахъ, ни о принципахъ, которые должны быть положены въ основу воспитанія.

Громадное количество неудобозапоминаемаго матеріала, которое надо было знать къ каждому уроку почти наизусть, сообщеніе несущественныхъ скучныхъ свѣдѣній, травля незнающихъ, манера для остроты истолковать каждый поступокъ воспитанника въ дурную сторону,—все это дѣлало его уроки до того тягостными и гнетущими, что дни, когда они были, считались самыми тяжелыми въ недѣлѣ; число больныхъ въ эти дни увеличивалось.

Послѣ 25-лѣтней педагогической дѣятельности на одномъ изъ уроковъ онъ признался передъ воспитанниками въ несостоятельности своей системы преподаванія естественной исторіи. Обнаружилось общее недовольство постановкой преподаванія естественной

исторіи въ городскихъ училищахъ. Учителя, привыкшіе долбить наизусть учебникъ естественной исторіи въ институтѣ, бились изо всѣхъ силъ, чтобы то же самое заставить дѣлать и своихъ учениковъ. Ученики заучивали наизусть существенное и несущественное въ описаніяхъ. Трудъ былъ египетскій, а въ результатѣ обнаруживалось полное незнаніе ими самаго главнаго въ курсѣ. Тяжко было учителямъ, еще болѣе тяжко ученикамъ, а ревизоры, пріѣзжавшіе въ училище среди учебнаго года или на экзамены, убѣждались, что ученики ничего не знаютъ.

Съ директоромъ преподаватель естественной исторіи былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. 23 года они были самыми близкими друзьями, всегда въ одно время получая чины и награды; на двадцать четвертомъ одинъ изъ друзей былъ назначенъ директоромъ: съ этого момента они сдѣлались врагами. Враждой съ директоромъ преподаватель естественной исторіи старался оправдать свое формальное отношеніе къ воспитанникамъ, въ которомъ открыто передъ ними сознавался. Но формальное отношеніе къ воспитанникамъ онъ установилъ еще съ первыхъ дней своего пребыванія въ институтѣ.

Такъ какъ пенсія была выслужена, то казалось бы, что послѣ признанія несостоятельности своей системы преподаванія и необходимости быть въ формальныхъ отношеніяхъ съ воспитанниками слѣдовало бы уступить свое мѣсто другому преподавателю, но... къ футляру и 20-му числу „привычка свыше намъ дана“...

Преподаватель русскаго языка, Александръ Петровичъ Шаховской, поступилъ въ институтъ недавно по рекомендаціи директора. Переводчикъ финскаго народнаго эпоса, превосходный чтецъ художественныхъ произведеній, онъ не лишенъ былъ отъ природы дарованій, но свои способности онъ растратилъ на вино и женщинъ. Холостякъ въ сорокъ слишкомъ лѣтъ, изящно сложенный, онъ молодился и хвастался, что еще для многихъ завидный женихъ.

Кромѣ института онъ преподавалъ еще въ одномъ мужскомъ и двухъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ своемъ преподаваніи первое мѣсто онъ отводилъ древне-церковно-славянскому языку.

Въ институтѣ въ первый годъ изъ шести недѣльныхъ уроковъ русскаго языка одинъ былъ отведенъ на теорію словесности, а остальные 5 на изученіе „національнаго классицизма“ — грамматики древне-церковно-славянскаго языка. По вечерамъ шла отчаянная долбня объемистаго учебника грамматики, дополнительныхъ записокъ къ нему и извлеченій изъ двухъ еще болѣе объемистыхъ руководствъ къ изученію древне-церковно-славянскаго языка. Отъ запоминанія множества державшихся въ памяти лишь на урокѣ грамматическихъ правилъ, исключеній и разныхъ тонкостей ассимиляціи, диссимиляціи, употребленія юса большого и юса малаго, склоненій причастій и т. д., и т. д., отъ всего этого тупѣла голова, а лучшее время растрачивалось не на полезное знаніе, а на изученіе хлама, который не имѣлъ никакого практическаго значенія ни въ жизни, ни въ будущей педагогической дѣятельности.

Въ началѣ происходила борьба между Шаховскимъ и поголовно всѣми воспитанниками класса. Даже самые рьяные, готовые учить все, что прикажутъ, и тѣ упирались изсушить свой мозгъ одуряющей долбней грамматики вымершго языка, но Шаховской заставлялъ признать пользу этого знанія обильно разсыпаемыми двойками и колами.

Переходя во второй классъ, гдѣ проходились синтаксисъ русскаго языка и исторія русской литературы, воспитанники съ чувствомъ удовольствія думали, что они разстались съ ужаснымъ покойникомъ и теперь будутъ заниматься такимъ интереснымъ предметомъ, какъ русская литература. Съ большимъ интересомъ ждали перваго урока.

Являлся Александръ Петровичъ, бралъ учебникъ Незеленова и дѣлилъ 520 страницъ этого учебника на число уроковъ въ году; на урокъ приходилось 9—10 страницъ.

— Къ слѣдующему уроку, господа, вы и возьмете первыя 10 страницъ, а сейчасъ можно отмѣтить, что выпустить.

Отъ такого начала у многихъ физіономіи вытягивались.

Наступалъ слѣдующій урокъ. Нѣсколько воспитанниковъ въ теченіе 50 минутъ успѣвали раза два-три разсказать то, что всѣ знали; задавались слѣдующія 10 страницъ и т. д.

Когда уроки у Шаховского были послѣ большой перемѣны, онъ успѣвалъ по дорогѣ въ институтъ подогрѣть себя въ ресторанѣ и являлся въ замѣтно возбужденномъ состояніи. Воспитанники замѣчали, что кончикъ носа у него покраснѣлъ, и, посмѣиваясь, говорили:

— Ну, сегодня Александръ Петровичъ будетъ анекдоты разсказывать!

Начинался урокъ, и, казалось, ему не будетъ конца: до тошноты надоѣдало слушать, какъ товарищи нѣсколько разъ разскажутъ одно и то же и къ тому же всѣмъ извѣстное. И все-таки оставалось десять минутъ до звонка. Тогда Шаховской начиналъ какъ будто разсказывать дальше и быстро переходилъ на

анекдоты изъ жизни артистовъ, съ которыми онъ былъ знакомъ. Едва онъ успѣвалъ кончить анекдотъ, какъ раздавался благодѣтельный звонокъ. Такъ проходилась литература.

До Шаховского въ каждомъ классѣ въ теченіе года писали 5—6 большихъ сочиненій по русскому языку. Въ началѣ и Шаховской пробовалъ задавать такія сочиненія, но такъ какъ каждый воспитанникъ представлялъ сочиненіе почти въ цѣлую тетрадь, то для провѣрки ихъ требовалось порядочно времени. А гдѣ взять это время, когда нужно дать уроки въ 4-хъ учебныхъ заведеніяхъ, посѣтить рестораны, кафе-шантаны, оперетку и пополнить свой запасъ свѣжими анекдотами? Вскорѣ воспитанники стали замѣчать, что въ ихъ сочиненіяхъ прочитаны лишь начало и конецъ. Недостатки сочиненій не разбирались на урокахъ, а тетради молча раздавались съ выставленной отмѣткой. Этимъ стали пользоваться. Воспитанникъ, окончившій съ золотой медалью, нанималъ за 5 рублей писать такія сочиненія другого. Воспитанники III-го класса, представивъ въ концѣ года послѣднее сочиненіе, которое должно быть рѣшающимъ для опредѣленія ихъ развитія и литературнаго образованія передъ окончаніемъ курса, черезъ двѣ недѣли увидали выставленныя за сочиненіе отмѣтки. Пробравшись тайкомъ въ учительскую комнату, они нашли на нижней полкѣ шкафа свои тетради совершенно чистыми!.. Отмѣтки были выставлены по физіономіямъ.

Мѣсто большихъ сочиненій заняли классныя, которыя писались въ концѣ учебной четверти на урокѣ въ теченіе 50 минутъ на нелѣпыя или ребяческія темы, въ родѣ: «Не плюй въ колодезь, пригодится

воды напиться», „Жизнь въ городѣ и деревнѣ“, „Что посѣешь, то и пожнешь“.

Сообщеніе методическихъ свѣдѣній по русскому языку свелось у Шаховского къ чтенію на урокѣ методики Солонины; когда же онъ пытался прибавить кое-что отъ себя, то вызывалъ лишь ироническую улыбку у воспитанниковъ, работавшихъ учителями въ школѣ.

Съ воспитанниками Шаховской обращался попросту, желая вкрасться въ ихъ довѣріе; но всѣ знали, что довѣряться ему нельзя, такъ какъ онъ передастъ все директору.

Какъ и другіе штатные преподаватели, онъ долженъ былъ разъ въ недѣлю провести въ институтѣ вечеръ и ночь. Въ такіе дни онъ являлся въ институтъ съ саквояжемъ и вечеромъ извлекалъ изъ него бутылку винограднаго.

— Вы, Флеровъ, позубрите „славянскую“, а я „рейнскую“... того! ласково хлопая рукой по бутылкѣ, говорилъ онъ воспитаннику, пробѣгая впрыпрыжку черезъ залу съ самой блаженной улыбкой на лицѣ. Черезъ нѣкоторое время возбужденный и веселый выходилъ онъ изъ учительской комнаты въ залу къ воспитанникамъ завязать съ ними разговоръ. Около него собиралось нѣсколько человѣкъ. Разговоръ какъ-то сразу переходилъ на анекдоты съ довольно сальнымъ оттѣнкомъ, которыхъ у Шаховского былъ неисчерпаемый запасъ. Къ концу вечера влага въ бутылкѣ изсякала, и тогда Шаховской начиналъ разсказывать о какомъ-то своемъ путешествіи по Италіи.

— А лучше всего въ Италіи знаете что?—говорилъ онъ уже нѣсколько заплетающимся языкомъ.

— Что?

— Итальяночки!.. Хе.. хе... хе!.. Глаза черные, жгучіе, а щечки какія, плечики!.. Хе... хе.. хе...— При этомъ онъ смачно чмокалъ губами.—И сейчасъ у меня въ женскомъ институтѣ, гдѣ я занимаюсь, такія есть милашечки, хе... хе.. хе!.. бонбончики... клубничка... хе... хе.. хе!.. такъ бы кажется и съѣлъ!..

— А какого Вы, Александръ Петровичъ, мнѣнія о Писаревѣ?—обращался къ нему кто-нибудь изъ воспитанниковъ.

— Ахъ, Писаревъ, Бокль, Глѣбъ Успенскій, Скабичевскій—это грубые матеріалисты, которые отрицали въ жизни все прекрасное, эстетическое!.. По ихъ мнѣнію, человѣкъ только животное, которому прежде всего надо наполнить брюхо. Они любили выворачивать всю грязь жизни и преподносить ее читателю. Но скажите, пожалуйста, если передъ вами разрываютъ навозную кучу или изображаютъ вамъ кабакъ съ пьяными мужиками и бабами, что вы можете почувствовать, кромѣ навознаго запаха, и услышать, кромѣ площадной брани? Неужели же въ этомъ запахѣ и ругани заключается поэзія?!

— А если въ дѣйствительной жизни есть и грязныя и тяжелыя стороны, такъ не обходить же ихъ молчаніемъ! Достоевскій изображалъ одну тяжелую жизнь,—пробовалъ кто-нибудь возражать.

— Достоевскій былъ больной человѣкъ; поэзія же должна изображать только одно прекрасное. Вотъ прослушайте чудное поэтическое стихотвореніе!—и Шаховской читалъ стихотвореніе Фета.

Преподавателемъ исторіи и географіи былъ Иванъ Сергѣевичъ Циферблатовъ. Объ основномъ нравственномъ качествѣ его было сказано выше. Ни по исторіи, ни по географіи онъ на урокахъ ничего не

разсказывалъ, а въ учебникахъ Иловайскаго, Виноградова и Янчина отмѣчалъ ногтемъ, до какого мѣста выучить къ слѣдующему уроку. На внутренней стѣнкѣ шкафа въ III-мъ классѣ была вырѣзана надпись: „Сегодня 12-го апрѣля 189* года Иванъ Сергѣевичъ Циферблатовъ въ первый разъ разсказалъ по исторіи!“..

Уроки исторіи и географіи были тяжки. Въ теченіе 50 минутъ одно и то же успѣвали разсказать 4—5 разъ, затѣмъ начинали разсказывать то, что было задано къ прошлому уроку и т. д. А Циферблатовъ въ это время или сидѣлъ за столомъ и дремалъ или ходилъ по комнатѣ, ковырялъ пальцемъ въ носу и чесалъ мѣсто пониже поясницы. Иногда онъ бралъ историческую хрестоматію Гуревича и читалъ оттуда какую-нибудь статью.

Не разъ обнаруживалось невѣжество Циферблатова въ знаніи историческихъ фактовъ. Воспитанникъ, разсказывая о реставраціи во Франціи послѣ заточенія Наполеона I, сказалъ, что избирательнымъ правомъ пользовались лица, платившія 30 франковъ прямого налога. Кто-то поправилъ: „не 30, а 300 франковъ“. Циферблатовъ очнулся отъ сна и подтвердилъ, что 30. Заглянули въ книгу и убѣдились, что 300. На урокахъ географіи онъ заставлялъ наизусть чертить карты и требовалъ такой же точности, какъ въ атласѣ. Такое требованіе было верхомъ идіотизма. Всѣ наканунѣ заготовляли карты, на урокѣ дѣлали видъ, что чертятъ, а въ концѣ урока подавали начерченныя заранѣе.

Циферблатовъ поступилъ въ институтъ по рекомендаціи директора и вмѣстѣ съ Шаховскимъ служилъ для него „очами и ушами“.

Исключеніе среди институтскихъ фараоновъ представлялъ преподаватель математики — Державинъ, нѣсколько грубоватый въ обращеніи, но честный и искренній человѣкъ.

Авторъ нѣсколькихъ учебниковъ по ариѳметикѣ и геометріи, онъ былъ и хорошимъ преподавателемъ своего предмета. Воспитанники прозвали его „многочленомъ“, такъ какъ онъ имѣлъ 12 человѣкъ дѣтей, которыхъ водилъ въ институтскую церковь и выстраивалъ въ двѣ шеренги.

Онъ никогда не давалъ готоваго доказательства какой-нибудь теоремы изъ алгебры или ариѳметики, а давалъ на доскѣ лишь слабые намеки на доказательство. Воспитанникамъ потомъ стоило большого труда доискаться до доказательства теоремы. Это вмѣстѣ съ обиліемъ головоломныхъ задачъ, которыя задавались на вечеръ и рѣшались на урокахъ, дѣлало его методъ преподаванія для большинства весьма труднымъ. Но къ концу третьяго года многіе основательно знали пройденный курсъ математики, а главное пріобрѣтали навыкъ справляться съ какими угодно трудными задачами.

— Для васъ теперь не страшны задачи, и вы можете смѣло держать экзамены въ какія угодно высшія учебныя заведенія: мои ученики гимназіи и реальнаго училища всегда выдерживали конкурсы, — говорилъ Державинъ въ защиту своего преподаванія. — А важнѣе всего то, что своимъ методомъ развивалъ въ васъ способность къ самостоятельному математическому мышленію.

Безукоризненно честный человѣкъ, врагъ институтскаго режима, онъ пользовался уваженіемъ и довѣріемъ воспитанниковъ. Нѣкоторая грубоватость въ обращеніи и шуткахъ была иногда поводомъ къ столкновенію у него съ воспитанниками. Однажды

на масляницѣ во II-мъ классѣ была репетиція по космографіи. Воспитанникъ Воронинъ, 28-лѣтній мужчина, прослужившій до института 7 лѣтъ сельскимъ учителемъ, запнулся показать какую-то линію на небесномъ глобусѣ.

— Эхъ, несчастный юноша, женить васъ пора, а вы такихъ пустяковъ показать не можете, — замѣтилъ ему Державинъ.

Нѣкоторые изъ товарищей засмѣялись. Трудно дававшаяся въ 28 лѣтъ математика и обильно сыпавшіяся на Воронина вмѣстѣ съ колами и двойками насмѣшки на этотъ разъ переполнили чашу его терпѣнія. Послѣ репетиціи воспитанники, за исключеніемъ двухъ-трехъ, ушли въ театръ на денной спектакль. Воронинъ отказался отъ театра, ушелъ изъ института, а черезъ часъ вернулся, еле держась на ногахъ. Увидавъ въ классѣ небесный глобусъ, онъ подошелъ къ прибору и сталъ его ломать, припѣвая:

„Мы изсушили умъ
Наукою безплодной“...
„Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ“...

Случайно оказавшійся въ классѣ воспитанникъ едва спасъ глобусъ отъ окончательной гибели.

Когда воспитанники вернулись изъ театра и вмѣстѣ съ Державинымъ, дежурившимъ въ этотъ день въ институтѣ, сѣли въ столовой обѣдать, Воронинъ вслухъ на всю комнату сталъ ругать сидѣвшаго здѣсь же Державина самыми скверными словами. Державинъ вышелъ изъ столовой. Товарищи старались удержать Воронина и громкимъ разговоромъ заглушить его брань.

— Да не удерживайте меня, мнѣ все равно, я хоть сейчасъ подамъ прошеніе объ увольненіи; я не могу больше выносить такого подлаго гнета, я теряю уваженіе къ себѣ; я не позволю всякой собакѣ издѣваться надо мной!

И какъ только Державинъ входилъ въ столовую, на всю комнату раздавалась самая ужасная брань.

Послѣ обѣда Воронинъ, шатаясь, прошелъ въ спальню и легъ на свою койку. Слѣдомъ за нимъ поднялся въ спальню Державинъ. Воронинъ лежалъ на койкѣ, глухо рыдая.

— Голубчикъ, Воронинъ, что съ вами? Если я обидѣлъ васъ, простите меня, пожалуйста! Я совсѣмъ не хотѣлъ васъ оскорбить. Зачѣмъ вы обращаете вниманіе на мои слова! Дорогой мой, простите же меня..... пожалуйста. Я самъ себѣ не радъ! — говорилъ растерявшійся Державинъ.

— Я семь лѣтъ работалъ въ народной школѣ, меня уважали товарищи и любили крестьяне, я чувствовалъ себя человѣкомъ... а здѣсь?... Здѣсь надо мной издѣваются и третируютъ на каждомъ шагу!.. — сквозь рыданія говорилъ Воронинъ.

Державинъ старался его успокоить. Сцена кончилась примиреніемъ.

Для характеристики остальныхъ преподавателей, имѣвшихъ второстепенное значеніе въ институтѣ, можно ограничиться нѣсколькими словами. Учителемъ рисованія былъ добрый и милый старичекъ, прослужившій въ институтѣ 25 лѣтъ, любившій выпить и начинавшій выживать изъ ума. Сидя на урокѣ, онъ засыпалъ. Воспитанники опускали шторы и потихоньку уходили изъ класса.

Пробужденный звонкомъ, онъ въ смущеніи уходилъ изъ пустой и темной комнаты. Вечеромъ въ

10 часовъ, когда онъ въ день своего дежурства являлся въ каждый классъ сосчитать, всѣ ли воспитанники на лицо, кто-нибудь изъ воспитанниковъ забѣгалъ въ чужой классъ. Не зная, кто въ какомъ классѣ учится, онъ не замѣчалъ посторонняго, начиналъ считать и приходилъ въ смущеніе.

— Господа, у васъ кто-то лишній?

— Да нѣтъ, Алексѣй Петровичъ, никого нѣтъ лишняго!—раздавались голоса.

— Ну, такъ я обсчитался; я еще разъ сосчитаю! Вновь начинался медленный счетъ по головамъ.

— Опять лишній!—приходилъ въ отчаяніе старикъ. Наконецъ кто-нибудь сжалится надъ нимъ и укажетъ на „лишняго“. „Лишній“ выбѣгалъ изъ комнаты, а Алексѣй Петровичъ шелъ въ слѣдующій классъ, гдѣ также оказывались „лишніе“.

Преподаватель бухгалтеріи былъ высокаго роста и необычайной толщины. За толщину его, какъ монструма, можно было бы показывать въ циркѣ. Онъ самъ признавался, что извозчики отказывались сажать его, и онъ принужденъ былъ завести собственный экипажъ. Уроки бухгалтеріи онъ сдабривалъ разсказами о своей геніальной памяти и необычайныхъ способностяхъ, въ доказательство чего онъ сейчасъ же перечислялъ города Индостана и читалъ нѣмецкое стихотвореніе. Эти доказательства приводились каждый годъ. Затѣмъ, по его разсказамъ, онъ, несмотря на свою толщину, бралъ призы на велосипедной гонкѣ и обладалъ феноменальной силой. Опять шли доказательства. Однажды пять человѣкъ, слушавшихъ у него курсы бухгалтеріи, пришли къ нему на квартиру съ цѣлью его ограбить. Онъ разбросалъ ихъ всѣхъ.

— Мы вѣримъ, что у васъ геніальныя способности

и феноменальная сила. А женщины въ васъ влюблялись?—спросилъ кто-то при общемъ дружномъ взрывѣ хохота.

— Даже не одна-съ!

Весело было на урокахъ бухгалтеріи.

Кромѣ охарактеризованныхъ выше главнѣйшихъ представителей корпораціи институтскихъ педагоговъ было тамъ еще много лицъ, достойныхъ вниманія, но мы на нихъ не будемъ останавливаться, такъ какъ не они опредѣляли строй институтской жизни и придавали институту его физіономію.

„Науки юношей питаютъ“.

ГЛАВА III.

Сначала разсмотримъ, какъ эта почтенная корпорація устраивала учебную часть.

Выше при характеристикѣ преподавателей приходилось касаться постановки преподаванія отдѣльныхъ предметовъ. Взятая въ цѣломъ, программа проходимыхъ въ институтѣ наукъ и искусствъ поражала своей энциклопедичностью. Достаточно одного ихъ перечня, чтобы убѣдиться въ совершенной невозможности хотя бы поверхностнаго усвоенія всѣхъ преподносимыхъ наукъ и искусствъ. Вотъ ихъ перечень:

1) Законъ Божій (исторія Ветхаго и Новаго завѣта, исторія Христіанской церкви, катехизисъ съ двумя книжками богословскихъ дополненій).
2) Русскій языкъ (синтаксисъ русскаго языка и исторія русской литературы).
3) Древне-церковно-славянскій языкъ.
4) Ново-церковно-славянскій языкъ.

5) Теоретическая ариѳметика.
6) Алгебра.
7) Геометрія.
8) Тригонометрія.
9) Физика.
10) Космографія.
11) Минералогія съ химіей.
12) Анатомія человѣка.
13) Ботаника.
14) Зоологія.
15) Исторія всеобщая и русская.
16) Географія всеобщая и русская.
17) Педагогика (курсъ логики и психологіи).
18) Бухгалтерія и коммерческая ариѳметика.
19) Ручной трудъ и графическое черченіе.
20) Нѣмецкій языкъ.
21) Рисованіе.
22) Черченіе (геометрическое и проэкціонное).
23) Чистописаніе.
24) Пѣніе.
25) Гимнастика.
26) Методика каждаго предмета.
27) Музыка } не обязательны.
28) Танцы }

Вся эта груда знаній вкладывалась въ головы воспитанниковъ въ теченіе двухъ лѣтъ; третій же годъ шелъ преимущественно на повтореніе пройденнаго и занятія съ учениками въ школѣ. Къ концу третьяго года мозгъ каждаго воспитанника походилъ на базаръ съ разложенными товарами, какой бываетъ, напримѣръ, по праздникамъ на Сухаревской площади въ Москвѣ, гдѣ чего хочешь, того просишь. Тамъ можно получить все: и тонкія кружева, и картину извѣстнаго художника, и кислую капусту. И воспитанникъ, порывшись, вытаскивалъ изъ своего мозга: и формулу химическаго состава глины, и отвѣтъ— откуда появляются души младенцевъ; что такое коносоментъ, и къ какому семейству принадлежитъ „сонная одурь“; каково было философское настроеніе Трояна и какъ размножается глиста!

Энциклопедизму программы сопутствовала схоластика. Для чего тратилась такая масса времени на задалбливаніе грамматики древне-церковно-славянскаго языка, языка вымершаго, или выучиванія наизусть признаковъ 75 семействъ растеній съ перечисленіемъ особенностей въ строеніи 5—10 особей, относящихся къ каждому семейству, растеній, которыхъ большинство воспитанниковъ никогда не видало, а если бы и увидало, то не узнало? Развѣ не безсмысленно было черченіе наизусть картъ, выдалбливаніе учебника Иловайскаго, писаніе палочекъ въ III-мъ классѣ, безконечныя спѣвки, каждый разъ начинавшіяся съ „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя!..“

Схоластикой и энциклопедизмомъ убивалось лучшее время, притуплялись способности, и достигалась одна цѣль — задерживалось развитіе, и вытравлялась въ человѣкѣ „живая душа“.

Втиснутая въ два годичныхъ курса, энциклопедически-схоластическая программа была совершенно не соразмѣрена съ человѣческими силами. Въ теченіе дня нужно было выдержать семь уроковъ по 50 минутъ каждый, а вечеромъ готовиться къ урокамъ слѣдующаго дня, то есть разобраться въ теоремахъ и задачахъ по математикѣ, на что требовалось времени часъ и полтора, да къ тремъ урокъ выучить неудобозапоминаемаго матеріала 30 и болѣе страницъ. Воспитанники съ выдающимися способностями не

могли одинаково хорошо приготовлять всѣ уроки къ слѣдующему дню, а знали по одному—двумъ предметамъ, по которымъ ожидали, что ихъ спросятъ, а про среднія способности и говорить нечего. Преподаватели отлично знали такой обманъ и не спрашивали не въ очередь.

Выдолбленныя страницы изъ учебника естественной исторіи держались въ головѣ лишь во время урока, когда преподаватель могъ спросить и поставить отмѣтку, а на слѣдующемъ урокѣ географіи онѣ уже вылетали изъ головы и уступали мѣсто страницамъ изъ учебника географіи, которыя съ звонкомъ выталкивались грамматикой древне-церковно-славянскаго языка и т. д., и т. д.

Трудность преодолѣнія энциклопедически-схоластической программы увеличивалась еще тѣмъ, что занятія велись школьнымъ способомъ. Лишь двое-трое изъ сверхштатныхъ институтскихъ преподавателей, имѣвшихъ незначительное число уроковъ, примѣняли лекціонный методъ. Но этотъ методъ требовалъ знаній и добросовѣстной подготовки къ лекціямъ, чего какъ разъ и не доставало большинству институтскихъ преподавателей.

При школьномъ же веденіи занятій масса времени тратилась непродуктивно. Преподаватели, въ родѣ Шаховского и Циферблатова, въ теченіе всего урока исключительно занимались спрашиваніемъ. Одно и то же разсказывалось 4—5 разъ, а школьники въ возрастѣ отъ 17 до 30 лѣтъ зѣвая слушали то, что каждому было извѣстно. Послѣ того, какъ на урокѣ была произведена основательная провѣрка выученнаго, пройденное по каждому предмету повторялось въ концѣ года, и происходила вторая провѣрка; третья происходила на экзаменѣ—при переходѣ въ слѣдующій классъ, четвертая провѣрка — на репетиціи въ III-мъ классѣ и пятая — на выпускномъ экзаменѣ! Сколько погубленнаго времени и силъ!

Далѣе энциклопедически-схоластическая программа требовала для своего преодолѣнія главнымъ образомъ механической памяти, и эта способность преимущественно упражнялась и развивалась въ ущербъ другимъ. Способность мышленія, общее развитіе—все приносилось въ жертву исключительнаго развитія механической памяти. Если времени не хватало на выучиваніе уроковъ, то откуда его взять на чтеніе книгъ, журналовъ? За удовольствіе прочитать книжку приходилось дорого расплачиваться: въ классномъ журналѣ появлялась двойка, которая влекла за собой два мѣсяца сплошной отчаянной зубрежки по тому или другому предмету. Чтеніе журналовъ, книгъ (конечно, не изъ обветшалой институтской библіотеки) дало бы общее развитіе, открыло бы широкіе горизонты, развило бы духъ критики и свободной мысли, пріобщило бы къ тѣмъ интересамъ, которыми волнуется лучшая часть русскаго общества, пробудило бы стремленіе быть не только ремесленникомъ учительскаго цеха. Но все это было тѣмъ ужаснымъ пугаломъ, противъ котораго и была направлена энциклопедически-схоластическая программа, превышающая человѣческія силы, и школьный характеръ занятій съ безконечными провѣрками и исключительной работой механической памяти. Учитель—ремесленникъ, учитель—чиновникъ былъ идеаломъ институтской педагогіи. И къ чести преподавателей института нужно сказать, что ни одинъ изъ нихъ никогда не заикнулся о тѣхъ великихъ и славныхъ педагогахъ, живые образы которыхъ долженъ носить въ своей душѣ каждый будущій учитель.

Въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ.

ГЛАВА IV.

Разсмотримъ теперь ближе тѣ условія физической, умственной и нравственной жизни, которыя педанты-чиновники создали для воспитанниковъ.

Двухъ-этажный домикъ, въ которомъ протекала вся жизнь воспитанниковъ, былъ слишкомъ малъ для 60 человѣкъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались: три классныхъ комнаты, зала, служившая одновременно и для занятій, и для прогулокъ, и для состязаній въ силѣ, небольшая учительская комната (она же и канцелярія), библіотечная и столовая. Верхній этажъ (мезонинъ въ старомъ барскомъ домѣ), занимавшій вдвое меньшую площадь, чѣмъ нижній, состоялъ изъ трехъ спальныхъ комнатъ для воспитанниковъ, раздѣвальни и кладовой; въ подвальномъ этажѣ находилась кухня и помѣщеніе для сторожей.

Страшнымъ зломъ институтской жизни былъ дортуаръ. Сколько здоровья унесъ онъ! Каждая комната дортуара, служившая на 20 человѣкъ, была до того низка, что воспитанникъ легко доставалъ рукой до потолка, и до того тѣсна, что койки стояли почти вплотную; между ними едва устанавливался табуретъ, служившій гардеробомъ: на немъ лежали два костюма—одинъ обычный, другой для гимнастики, а ночью около складывались сапоги и „душистые“ носки. Вдобавокъ не было вентиляторовъ, которые могли бы очищать воздухъ въ теченіе ночи. Утромъ нужно было употребить усиліе, чтобы войти въ спальню: въ носъ ударялъ промозглый, кислый, разъѣдающій казарменный запахъ!

Дортуаръ же служилъ и лазаретомъ. А между тѣмъ подъ квартиры преподавателей института и городского

училища на дворѣ находилось вполнѣ достаточное помѣщеніе.

По искони установившемуся въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ обычаю въ институтѣ не докармливали. Трудно сказать, почему не кормили досыта: по недостатку ли средствъ, или потому, что хотѣли примѣнить здѣсь систему спартанскаго воспитанія, и чтобы плоть не мѣшала развиваться духу, старались ее умерщвлять. За завтракомъ подавалось одно блюдо, за обѣдомъ—два, затѣмъ утромъ и вечеромъ по половинѣ трехкопѣечнаго бѣлаго хлѣба. Порціи мяса за обѣдомъ были малы, зато желудокъ наполнялся жижей — щами, супомъ и чернымъ хлѣбомъ.

Тотчасъ послѣ обѣда на прогулкѣ являлось желаніе зайти куда-нибудь и хорошенько пообѣдать. Особенно тяжело было переносить аскетизмъ Великимъ постомъ. На первой, средней и послѣдней недѣляхъ сплошь, затѣмъ въ среду и пятницу остальныхъ недѣль была одна „спартанская похлебка“. Тутъ голодъ рѣшительно заявлялъ о себѣ, и страдали тѣ, у кого не было денегъ. Бывали случаи, что на первой недѣлѣ поста отъ перемѣны пищи сразу у нѣсколькихъ воспитанниковъ разливалась желчь...

А при недостаточномъ питаніи требовалось чрезмѣрное количество работы. Утромъ первый звонокъ раздавался въ 7 ч. 15 мин., второй черезъ четверть часа. Воспитанники одѣвались и умывались; безъ четверти восемь была общая молитва, а затѣмъ чай, кончавшійся къ 8 часамъ. Съ 8 до 9 час. шло повтореніе выученныхъ наканунѣ уроковъ. Были усердные, которые вставали еще до перваго звонка и принимались за это повтореніе. Съ 9 час. начинались классные уроки, и первые три кончались безъ

10 мин. въ 12 час. Завтракъ и чай продолжались четверть часа. Полчаса, полагавшіеся съ 12 ч. до половины перваго на отдыхъ, уходили на повтореніе заданнаго къ двумъ слѣдующимъ урокамъ, которые кончались къ половинѣ третьяго. Затѣмъ слѣдовали два часа занятій ручнымъ трудомъ въ столярной или слесарной мастерской или же уроки пѣнія и гимнастики по часу.

Къ половинѣ пятаго уроки кончались, и начинался обѣдъ, продолжавшійся 15—20 минутъ. Время отъ 5 до $6^1/_2$ часовъ полагалось на прогулку, а затѣмъ начиналось приготовленіе уроковъ, продолжавшееся съ перерывомъ 10 м. для чая до $10^1/_2$ час. вечера. Съ 6 часовъ въ залѣ уже стоялъ сплошной гулъ. Человѣкъ 40 въ бѣлыхъ парусинныхъ блузахъ и такихъ же брюкахъ съ учебниками въ рукахъ быстро ходили взадъ и впередъ по залѣ, каждый читая вслухъ. Посторонній человѣкъ, случайно попавшій въ институтъ, поражался той картиной, которую представляла изъ себя зала. Стремительно бѣгающіе по залѣ люди въ бѣлыхъ рубахахъ, съ блестящими глазами, ничего не видящіе и не слышащіе, бормочащіе въ изступленіи что-то каждый самъ съ собой, производили впечатлѣніе больныхъ изъ психіатрической больницы. У многихъ выступалъ на лбу потъ. Нѣсколько человѣкъ сидѣли тутъ же за партами и также читали вслухъ. Движущуюся и говорящую толпу окутывало облако: это поднималась пыль отъ шарканья ногъ. Входили въ классъ, перемѣняли учебники и опять выходили въ залу.

— Много вызубрилъ?—спроситъ одинъ другого.

— По русскому и естественной. А ты много выскулилъ?—отвѣчаетъ тотъ.

— Что грызешь?—спроситъ третій.

— Литературу!—отвѣчаетъ четвертый на ходу, не останавливаясь.

Передохнувъ четверть часа за чаемъ, опять начинали ходить и опять „зубрить“, „скулить“ и „грызть“. Въ 10 час. зубрежка стихала. Усталые, съ отяжелѣвшей головой нѣкоторые поднимались въ спальню, другіе продолжали еще ходить по залѣ, чтобы въ оставшіеся полчаса вызубрить нѣсколько страницъ. Въ половинѣ одиннадцатаго лампы въ институтѣ были погашены, но въ спальнѣ около тусклаго фонаря стояло нѣсколько человѣкъ, доканчивавшихъ свою порцію. Такимъ образомъ, рабочій день состоялъ изъ полныхъ 12 часовъ напряженной умственной работы! Страдная пора репетицій и экзаменовъ удлиняла его до 13—14 часовъ.

Особенно тяжки были репетиціи въ III классѣ. Все пройденное за два года повторялось, при чемъ на каждой репетиціи нужно было сдать отдѣлъ въ 300—400 страницъ по какому-нибудь предмету. Подготовка къ репетиціи при одновременно происходившихъ классныхъ занятіяхъ и занятіяхъ съ учениками въ школѣ требовала самаго крайняго нервнаго напряженія. Послѣ же репетиціи чувствовалось сильнѣйшее утомленіе и какая-то разбитость во всѣхъ членахъ. Тянуло пашиться...

Отвратительный дортуаръ, недостаточное питаніе и чрезмѣрная работа задерживали ростъ и были причиной нездороваго, болѣзненнаго вида у всѣхъ воспитанниковъ. Многіе, у кого при поступленіи въ институтъ не закончился ростъ, при окончаніи курса имѣли видъ „недорослей“: фигура „недоросля“ ясно говорила, что то сложеніе и ростъ, которые были обѣщаны природой, сдержаны какой-то враждебной

силой. Цвѣтъ лица почти у всѣхъ былъ желтый или землисто-сѣрый.

Свидѣтельствомъ о нездоровыхъ условіяхъ и ненормальности институтской жизни были господствовавшія тамъ болѣзни. Болѣзнью, находившею благопріятную почву для своего развитія и уносившей въ могилу еще въ институтѣ или вскорѣ послѣ окончанія въ немъ курса, была чахотка. Затѣмъ, вслѣдствіе недостаточнаго освѣщенія по вечерамъ, когда большинство воспитанниковъ учило уроки, ходя по залѣ, болѣе 50% къ концу курса надѣвали очки. Но была еще одна специфическая институтская болѣзнь – всеобщая и хроническая. Съ вечера сговаривались въ каждомъ классѣ, кому остаться на слѣдующій день въ спальнѣ. Утромъ изъ каждаго класса двое-трое, иногда четверо и пятеро, не вставая съ коекъ, заявляли дежурному воспитаннику, что они больны, но докторъ не нуженъ. Тотъ запоминалъ: „въ I мъ классѣ—двѣ головы и одинъ животъ, во II-мъ—два живота и двѣ головы, въ III-мъ—одна голова и одинъ животъ“, шелъ сообщить о томъ для записи дежурному преподавателю. Директоръ, преподаватели и докторъ—всѣ знали, что эта „болѣзнь“ не къ смерти... и дѣйствительно, къ обѣду всѣ больные выздоравливали. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ спальнѣ спасались тѣ, кто ожидалъ, что его спросятъ по двумъ-тремъ предметамъ въ одинъ день, тамъ оставались тогда, когда голова отказывалась задалбливать, когда не хватало силъ преодолѣть отвращенія къ учебникамъ, и когда единственнымъ спасительнымъ средствомъ было—залечь на денекъ или на два для отдыха. Въ праздники, разумѣется, никто не болѣлъ такой „болѣзнью“. Эта хроническая и всеобщая „болѣзнь“ вызывалась переутомленіемъ, и институтское начальство вполнѣ сознавало это и не принимало никакихъ карательныхъ мѣръ противъ лежанія въ спальнѣ.

Герберть Спенсеръ въ своемъ появившемся еще въ 1861 г. извѣстномъ сочиненіи „Воспитаніе умственное, нравственное и физическое“, которое не мѣшало бы знать господамъ присяжнымъ педагогамъ, приводя случаи чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій, разсказываетъ о своемъ посѣщеніи учительской школы. Учительскій институтъ въ отношеніи обремененія учащихся умственными занятіями и по послѣдствіямъ этого обремененія до того поразительно схожъ съ описываемой Спенсеромъ школой, что какъ будто эта учительская школа была взята за образецъ при созданіи институтскаго режима.

Спенсеръ пишетъ объ этой школѣ слѣдующее: „Не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть великій вредъ для организма отъ умственныхъ занятій, продолжающихся въ сутки отъ $11\frac{1}{2}$ до 13 часовъ. По разсказамъ одного изъ живущихъ тамъ учениковъ, всѣ поступающіе въ это учебное заведеніе со свѣжими лицами скоро блѣднѣютъ. Часто хвораютъ: всегда кто нибудь числится больнымъ. Отсутствіе аппетита и дурное пищевареніе—обычныя явленія. Преобладающимъ разстройствомъ является поносъ: нерѣдко имъ страдаетъ цѣлая треть учениковъ заразъ. Обычныя жалобы на головную боль; многіе страдаютъ отъ нея по цѣлымъ мѣсяцамъ ежедневно. Извѣстный процентъ учащихся не выноситъ совсѣмъ этого режима и уходитъ изъ заведенія.

Поразительно, что подобный режимъ встрѣчаемъ мы въ образцовомъ все-таки до нѣкоторой степени учрежденіи, установленномъ и руководимомъ самыми просвѣщенными людьми вѣка. Строгіе экзамены въ

связи съ короткими періодами, предназначенными для подготовки къ нимъ, заставляютъ прибѣгать къ такой системѣ, которая неминуемо подтачиваетъ здоровье и служитъ доказательствомъ если не жестокости, то во всякомъ случаѣ плачевнаго невѣжества" *).

Оскопленіе духа.

ГЛАВА V.

Въ основу нравственнаго воспитанія было положено религіозное воспитаніе въ духѣ православной церкви. Религіозное чувство старались укрѣпить принудительными мѣрами. Посѣщеніе всѣхъ церковныхъ службъ въ домовой институтской церкви было обязательно. Воскресенья и другіе праздники съ обязательнымъ выстаиваніемъ всенощной и обѣдни и всегда съ какой-нибудь добавочной работой по тому или другому предмету не приносили отдыха. Уклоненія отъ посѣщенія церковной службы влекли за собой тяжелый разговоръ съ директоромъ, и противъ уклоненія принимались мѣры.

Спустя 15—20 минутъ послѣ того, какъ воспитанники уходили въ церковь, дежурный преподаватель обязанъ былъ обойти все помѣщеніе института и осмотрѣть всѣ потаенные уголки, чтобы немедленно отправить въ церковь уклоняющагося отъ своей обязанности. Были три способа избѣжать службы: во-1-хъ, можно было, когда воспитанники шли изъ института въ церковь, повернуть на улицу и затѣмъ по окончаніи службы вмѣстѣ съ ними войти въ институтъ. Но тутъ легко было наткнуться въ воротахъ на директора или преподавателя, возвращавшихся вмѣстѣ съ воспитанниками изъ церкви.

*) Русскій переводъ Лазаревой. Изд. 1898 г., стр. 217—218.

Въ столовой былъ уже готовъ чай, куда немедленно являлся дежурный преподаватель провѣрить, всѣ ли воспитанники на-лицо. Опозданіе было бы замѣчено; во-вторыхъ, можно было бы сидѣть въ классѣ подъ партой; въ третьихъ, уклоняющійся отъ исполненія своей обязанности могъ лечь на койку въ спальнѣ. Спальня была самымъ надежнымъ убѣжищемъ. Какъ только по лѣстницѣ, ведущей въ спальню, раздавались шаги дежурнаго преподавателя, совершавшаго свой обходъ, нужно было немедленно лѣзть подъ кровать. Тихо, крадучись, какъ кошка, по временамъ останавливаясь, проходилъ по темной комнатѣ безъ свѣчи Шаховской, или, тяжело топая сапогами, шелъ Циферблатовъ. Послѣ ихъ прохода изъ-подъ кроватей вылѣзали двѣ-три тѣни. Опасность миновала, можно было почитать книжку.

Въ церкви во время службы за воспитанниками наблюдали съ трехъ пунктовъ: съ правой стороны стоялъ директоръ, зорко слѣдившій за каждымъ въ теченіе всей службы; слѣва инспекторъ городского училища—„око" директора—дѣлалъ то же самое; спереди изъ боковой двери алтаря показывалась голова законоучителя, совершавшаго службу...

Всѣ воспитанники обязаны были пѣть въ хорѣ во время службы; освобождались лишь тѣ, кто совсѣмъ не имѣлъ голоса. „Благочестивые юноши", которые несли службу регента церковнаго старосты, псаломщика, прислуживая въ алтарѣ, читая часы, шестопсалміе, тѣмъ явно обнаруживая свое благочестіе, пользовались особеннымъ благоволеніемъ директора.

Какъ институтская наука внѣдрялась въ головы посредствомъ безчисленныхъ провѣрокъ—спрашиваній, репетицій, экзаменовъ, такъ и добрая нравствен-

ность насаждалась усиленнымъ контролемъ поведенія.

День начинался въ институтѣ провѣркой. За утреннимъ чаемъ дежурный преподаватель обходилъ столы и пересчитывалъ по головамъ, всѣ ли воспитанники на-лицо.

Во время обѣда дежурный преподаватель обходилъ столы и пересчитывалъ, всѣ ли воспитанники налицо.

Послѣ обѣда воспитанники, уходя на прогулку, должны были записать свои фамиліи въ особую книгу, а по возвращеніи расписаться, что явились. Въ половинѣ седьмого дежурный воспитанникъ обходилъ съ книгой классы и провѣрялъ, всѣ ли воспитанники на-лицо. Затѣмъ эта книга передавалась дежурному преподавателю для провѣрки.

Въ 8 часовъ за вечернимъ чаемъ дежурный преподаватель производилъ четвертую провѣрку, обходя столы и считая по головамъ, всѣ ли воспитанники на-лицо.

Въ 10 часовъ послѣ вечерней молитвы дежурный преподаватель обходилъ всѣ классы и пересчитывалъ, всѣ ли воспитанники на-лицо.

Въ половинѣ одиннадцатаго воспитанники ложились спать, а въ половинѣ двѣнадцатаго дежурный преподаватель, проходя по спальнымъ комнатамъ съ фонаремъ, осматривалъ спящихъ на кроватяхъ и считалъ—всѣ ли воспитанники на-лицо. Шесть провѣрокъ въ день! Американскій плантаторъ рѣже пересчитывалъ своихъ невольниковъ.

Кромѣ провѣрокъ было постоянное и неусыпное наблюденіе за воспитанниками директора, институтскихъ преподавателей, инспектора и учителей городского училища и сторожей. Директоръ самъ любилъ

иногда „накрыть“ воспитанника, зубрившаго въ спальнѣ учебникъ къ репетиціи вмѣсто того, чтобы сидѣть на урокѣ своего товарища въ школѣ. Инспекторъ городского училища—ближайшее „око“ директора—осматривалъ въ классахъ въ отсутствіе воспитанниковъ парты, ища газетъ, книгъ, взятыхъ не изъ институтской библіотеки; ходя по залѣ, настораживался, вслушиваясь въ разговоръ. Одного изъ сторожей, вѣчно пьянаго, директоръ держалъ потому лишь, что онъ несъ шпіонскую службу...

Къ атмосферѣ, гдѣ постоянно могутъ „подслушать и передать“, воспитанники мало-по-малу привыкали, а нѣкоторые изъ „паинекъ“, удостоенныхъ при окончаніи курса золотой медали, затѣмъ также несли службу „очей и ушей“.

Но на одномъ контролѣ нельзя было воздвигнуть всего зданія институтской науки и нравственности. Въ основаніи этого зданія лежали еще три краеугольныхъ камня: балльная система, наказанія и награды. Если бы какъ-нибудь отнять этотъ фундаментъ, то все зданіе разсыпалось бы, какъ карточный домикъ.

Вторымъ послѣ контроля краеугольнымъ камнемъ институтскаго образованія и воспитанія были отмѣтки. Обильно сыпавшіяся на урокахъ за каждый отвѣтъ, за каждую задачу, для однихъ отмѣтки были тѣмъ бичемъ, который заставлялъ одолѣвать схоластику институтской программы; другіе—ретивые сами изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы за эту схоластику получить наивысшій баллъ; третьи, которые не могли угоняться за преуспѣвающими, но были одержимы честолюбіемъ, старались для полученія хорошей отмѣтки снискать себѣ расположеніе преподавателей побочными путями. Отмѣткой оцѣнивалось поведеніе

восемнадцати, двадцатипяти и тридцатилѣтнихъ людей. Отмѣтка была тѣмъ фетишемъ, безъ котораго немыслимо было никакое знаніе, никакой поступокъ, фетишемъ, которому приносились и физическія и нравственныя жертвы.

Съ отмѣтками были связаны наказанія. Неудовлетворительная отмѣтка сама по себѣ была уже наказаніемъ, но она влекла за собой еще объясненіе съ директоромъ, выговоръ устный и выговоръ, вывѣшиваемый ко всеобщему свѣдѣнію въ институтской залѣ, въ родѣ: „Несмотря на неоднократныя предупрежденія, воспитанникъ Власьевъ продолжаетъ носить длинные усы. Педагогическій совѣтъ института объявляетъ ему за ношеніе длинныхъ усовъ выговоръ и сбавляетъ баллъ за поведеніе“.

Несчастный Власьевъ усердно скоблилъ себѣ верхнюю губу два раза въ недѣлю и все-таки не избѣжалъ наказанія. Кромѣ выговоровъ употреблялось уменьшеніе балла за поведеніе, лишеніе отпуска на праздникъ, лишеніе стипендіи. Иногда прибѣгали къ нравственнымъ внушеніямъ, за которыя охотно брался Шаховской. Тутъ воспитанникъ могъ услыхать отъ него такія наставленія: „Правду говорить не всегда умѣстно. Въ Китаѣ есть китайскій императоръ—это правда, но говорить это сейчасъ, въ нашемъ разговорѣ вѣдь неумѣстно? Такъ и тогда, когда человѣкъ сильнѣе васъ, говорить ему въ глаза непріятную для него правду не всегда умѣстно. Пусть онъ говоритъ, что угодно, а вы молчите и дѣлайте видъ, что соглашаетесь“... и т. д.

Какъ для уклоняющихся отъ пути истины существовали наказанія, такъ тѣмъ, кто слѣдовалъ по этому пути, для поощренія раздавались награды. За успѣхи и примѣрное поведеніе воспитанники награждались при окончаніи курса золотыми и серебряными медалями, а за исполненіе обязанностей библіотекаря, помощника письмоводителя, завѣдующаго учебными пособіями, медикаментами, службу въ церкви выдавались денежныя награды. Кромѣ того о тѣхъ и другихъ отсылалась въ учебный округъ лестная характеристика, и они получали лучшія мѣста.

Воспитывая „паинекъ“—чиновниковъ, эта система наградъ, пріобрѣтаемыхъ большею частью окольными путями, вносила полную деморализацію въ среду воспитанниковъ. Медали презирались; къ медалистамъ и „свѣчевозжигателямъ“ устанавливалось подозрительное и враждебное отношеніе, по ихъ адресу сыпались оскорбительныя насмѣшки. А тѣ, кто втайнѣ лелѣялъ мечту о медали или иномъ благѣ, исходящемъ отъ начальства, старались пріучить себя спокойно выслушивать всякіе нелестные эпитеты и презрѣніе товарищей. Товарищескія отношенія исчезали... Притуплялось нравственное чувство. А общее развитіе задерживалось чрезмѣрной и исключительной работой механической памяти. Не было минуты, свободной отъ обязательной работы, когда человѣкъ отдохнулъ бы и оживился душой, отдаваясь любимому занятію.

А развѣ книга, журналъ, газета не были друзьями воспитанниковъ? Развѣ они не принимали участія въ опредѣленіи умственнаго и нравственнаго склада будущихъ учителей?

На чтеніе не было совершенно времени. Кое-кто кое-когда читалъ урывками кое-что. Изъ институтской библіотеки большинство не брало книгъ. Литературный отдѣлъ ея состоялъ изъ классиковъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ; научный отдѣлъ

состоялъ изъ книгъ, не заключавшихъ въ себѣ „вредныхъ идей“, но зато устарѣвшихъ и утратившихъ интересъ. Новыя книги не пріобрѣтались; изъ журналовъ выписывались: „Русская Школа“, „Историческій Вѣстникъ“ и „Русская Старина“. Понятно, что обветшалая и убогая библіотека не располагала къ себѣ. Послѣ того, какъ попытка выписывать газету „Русскія Вѣдомости“ была пресѣчена, директоръ самъ благосклонно предложилъ воспитанникамъ для чтенія газету „Московскія Вѣдомости“, которую и присылалъ къ 7 часамъ вечера. Но... эту газету никто не сталъ читать. Издрѣдка приносилъ кто-нибудь книгу отъ знакомыхъ, которыхъ вообще было мало у воспитанниковъ, такъ какъ большинство ихъ были пріѣзжіе.

И вотъ непомѣрное количество зубрильной работы, недостатокъ книгъ, журналовъ, отсутствіе знакомыхъ—создавали ту китайскую стѣну, которая отдѣляла институтъ отъ внѣшняго міра. Что дѣлалось тамъ, за китайской стѣной, объ этомъ не знали. Вся жизнь, всѣ интересы воспитанниковъ были заключены внутри четырехъ стѣнъ, выкрашенныхъ въ казенную краску. Сообщеніе съ этимъ внѣшнимъ міромъ совершалось главнымъ образомъ черезъ посѣщеніе трактира, пивной и театра.

Когда былъ въ первый разъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ, закончившійся танцами, то воспитанники совершенно потеряли голову. Для танцовальнаго отдѣленія были привезены воспитанницы гимназіи и женской учительской семинаріи и приглашены со стороны танцоры, такъ какъ воспитанники были профаны въ искусствѣ выражать свои чувства ногами. На этомъ вечерѣ они стояли понуро вдоль стѣнъ ярко освѣщенной залы и были печальными свидѣтелями того, какъ какіе-то пришельцы подходятъ къ таинственнымъ незнакомкамъ и увлекаютъ ихъ въ очаровательный вальсъ.

На слѣдующій день къ директору явилась депутація съ просьбой пригласить учителя танцевъ. Директоръ благосклонно изъявилъ свое согласіе, и вскорѣ въ залѣ стали раздаваться какія-то непонятныя слова, а ученые мужи въ бѣлыхъ парусинныхъ блузахъ и такихъ же панталонахъ неуклюже выдѣлывали па. На слѣдующемъ вечерѣ воспитанники въ бѣлыхъ перчаткахъ смѣло подходили къ прекраснымъ незнакомкамъ... Внѣшній міръ, ворвавшись въ замкнутую институтскую жизнь, вызвалъ энтузіазмъ къ танцовальному искусству. Посѣщеніе театра и происходившій разъ въ годъ литературно-музыкальный вечеръ съ танцами были единственными разумными развлеченіями въ жизни воспитанниковъ. Въ будничное время для тѣхъ воспитанниковъ, которые не ходили послѣ обѣда на прогулку, обычнымъ развлеченіемъ были музыка и пѣніе. Кромѣ скрипокъ и гитаръ появлялись иногда диковинные инструменты. Одинъ воспитанникъ дулъ всею силою легкихъ въ хвостъ фарфороваго пѣтуха и оглашалъ институтскій домъ пронзительными и раздирающими звуками *).

«Любила я, страдала я,
А онъ, подлецъ, сгубилъ меня»...

напѣвалъ баритономъ въ одномъ углу класса

*) Онъ былъ, впрочемъ, исключенъ за неспособность и некультурность: сидя на передней партѣ, онъ во время урока снималъ сапоги, а ноги засовывалъ въ столъ, и вдобавокъ былъ глухъ. Онъ не слыхалъ, когда преподаватель вызывалъ его для отвѣта. Растолканный товарищемъ, онъ начиналъ вытаскивать ноги изъ стола и обувать ихъ въ сапоги!

воспитанникъ 26 лѣтъ изъ сельскихъ учителей, вкусившій, повидимому, отъ радостей жизни.

«Блаженства—мигъ,
Мученье жъ безконечно»...

неслось изъ другого угла. Это пѣлъ высокимъ теноромъ бывшій учитель, лѣтъ 30, со впалыми щеками и старообразнымъ лицомъ. Онъ поступилъ въ институтъ цвѣтущимъ, а на третій годъ казался постарѣвшимъ больше, чѣмъ на 10 лѣтъ.

«Онъ, конечно, былъ мужчина,
А жена наоборотъ»...

покрывалъ первыхъ двухъ густымъ басомъ юноша лѣтъ 19.

Изъ другихъ видовъ развлеченій слѣдуетъ отмѣтить ругань и драку. Ругань начиналась безъ достаточнаго повода: она была отдыхомъ отъ опостылѣвшаго зубренья и тягостнаго однообразія жизни. Иногда она переходила въ спортъ, и въ классѣ всегда можно было найти трехъ-четырехъ спортсменовъ, которые устраивали состязанія, стараясь передъ цѣлымъ классомъ какъ можно лучше отдѣлать другъ друга подъ орѣхъ. Товарищи въ это время слушали, одобряли удачныя выраженія и присуждали, кто вышелъ побѣдителемъ. Ругань не влекла за собой разрыва дружбы. Осыпавъ другъ друга самыми непотребными словами, спортсмены черезъ часъ сходились, мирно бесѣдовали и шутили.

По временамъ ругань была такъ горяча, что переходила въ драку. Два врага вцѣплялись другъ другу въ волосы и съ ожесточеніемъ возили одинъ другого по классу, а черезъ часъ они вмѣстѣ ходили по залѣ, помогая другъ другу отзубривать

уроки. Шаховской, зайдя однажды вечеромъ въ классъ, засталъ сцену, какъ два друга качали одинъ другого за волосы. Послѣ этого къ окнамъ были повѣшены шторы, чтобы прохожіе съ улицы не могли видѣть, какъ развлекаются воспитанники института.

Какъ ругань и драка, на той же почвѣ одуряющей долбни, переутомленія и отсутствія живыхъ, разумныхъ интересовъ развивалось и пьянство. Поступившіе со свѣжими силами въ первый классъ еще крѣпились въ теченіе года, выпивающихъ почти не бывало совсѣмъ, всѣ относились съ осужденіемъ къ третьему классу. Въ трактиръ ходили для душевныхъ разговоровъ и пили чай съ печеньемъ. Къ концу второго года начиналъ подаваться и уступать гнету институтскаго режима: отдохнуть шли въ пивную, а въ трактирѣ спрашивали водки. Въ третьемъ классѣ выпивки дѣлались періодическими, и въ нихъ принимала участіе половина класса. Каждую благополучно проходившую репетицію справляли выпивкой. Сдать репетицію значило свалить тяжелую гору съ плечъ—чѣмъ же можно было иначе, какъ не выпивкой, справить этотъ праздникъ институтской жизни? Кромѣ того подготовка къ репетиціи требовала самаго крайняго напряженія силъ: въ тотъ день, когда она происходила, всѣ находились въ лихорадочно возбужденномъ состояніи. Послѣ репетиціи наступала реакція: чувствовалась крайняя усталость, настроеніе было вялое и апатичное. Трактиръ и пивная въ такіе моменты были необходимымъ и благодѣтельнымъ прибѣжищемъ.

Тяжело было положеніе тѣхъ воспитанниковъ, которымъ некуда было уѣхать изъ института на каникулы—Рождество и Пасху. Зубренье сразу обры-

валось, люди не знали, куда себя дѣвать, и отъ скуки начинали пьянствовать.

Напивались такъ, что, какъ пласты, лежали на койкахъ; нѣкоторымъ казалось, что поднимаются потолки...

Наканунѣ освобожденія.

ГЛАВА VI.

Заканчивая характеристику институтскихъ нравовъ, остановимся на послѣднемъ мѣсяцѣ пребыванія воспитанниковъ въ институтѣ. Это былъ май. Шли выпускные экзамены. Оставалось сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы, отрясая прахъ отъ ногъ, уйти безъ оглядки изъ опостылѣвшихъ стѣнъ.

— Скоро, скоро освобожденіе!.. Какихъ-нибудь четыре недѣли томиться и...—Но дальше этого „и“ мысль не шла, такъ какъ радостное чувство охватывало душу воспитанника. А институтскія науки одна за другой церемоніальнымъ маршемъ проходили черезъ головы.

Выпускные экзамены были не страшны: разъ репетиціи были сданы, экзамены сводились къ одной формальности, гдѣ округлялись отмѣтки тѣмъ, кого намѣтили увѣнчать наградой. И воспитанники при особенно сильномъ утомленіи, чувствовавшемся въ концѣ года, готовились и сдавали экзамены, какъ заѣзженныя клячи тащутъ свою привычную тяжелую кладь.

— Три недѣли и два дня!..—входя въ классъ, произносилъ воспитанникъ, только что вызубрившій, на сколько чиновъ раздѣляются нечистые духи, и какъ называется каждая категорія.

— Да, только три недѣли и два денечка!—вздыхая,

улыбаясь и оглядываясь другъ на друга, отвѣчали сидѣвшіе въ классѣ, передъ тѣмъ уткнувшіеся въ учебники воспитанники. На минуту завязывался общій разговоръ, сводившійся къ однимъ восклицаніямъ: „Скоро! Скоро, конецъ! Пустяки осталось!“

— Ну, ужъ ликовать-то особенно нечего,—вмѣшался въ разговоръ какой-то скептикъ:—перспективы-то открываются довольно невеселыя: одну лямку смѣняемъ на другую. Протрубить шесть лѣтъ въ учителяхъ за казенную стипендію, значитъ окончательно похоронить себя въ городскомъ училищѣ. Я бы вотъ хотѣлъ поступить въ университетъ, а институтъ налагаетъ на меня цѣпи: или уплати 600 рублей, или отслужи 6 лѣтъ.

— А ты поступи въ духовную академію, тогда и стипендію не спросятъ, какъ съ Вознесенскаго,—замѣтилъ кто-то.

Скептика плохо слушали. О будущемъ не хотѣлось думать, хотѣлось поскорѣе развязаться съ постылымъ настоящимъ.

Близость развязки сказывалась и въ томъ, что тѣ, кто ожидалъ вскорѣ полученія земныхъ благъ, не старались для приличія натягивать на себя маску, а открыто заявляли о своихъ аппетитахъ и вожделѣніяхъ. Медалисты собирались въ отдѣльныя группы, говорили о полученныхъ на экзаменахъ отмѣткахъ и взвѣшивали шансы каждаго на золотую или серебряную медаль. А медаль связывалась въ одно представленіе съ мѣстомъ учителя на 50 руб., тогда какъ окончаніе курса безъ медали приводило къ службѣ въ теченіе года учительскимъ помощникомъ съ 30 рублевымъ содержаніемъ. Эта оголенность аппетитовъ довершала собой ту рознь среди воспитанниковъ, которая къ концу третьяго года не остав-

ляла никакого слѣда отъ существовавшихъ еще въ первомъ классѣ товарищескихъ отношеній. Одни подозрѣвали другихъ въ подхалимствѣ, подъѣзжаніи, въ лести съ корыстной цѣлью, а тѣ чувствовали, что ихъ въ этомъ подозрѣваютъ, и создавалась атмосфера враждебности и презрѣнія другъ къ другу. Люди, прожившіе три года общею жизнью, теперь, сидя за одной партой, не подавали другъ другу руки и не разговаривали.

— Что жъ, господа, будемъ мы сниматься группой или нѣтъ?—обратился одинъ изъ воспитанниковъ къ классу:—если будемъ, то пора, а то будетъ поздно.

Установился обычай каждый годъ сниматься выпускному классу вмѣстѣ съ преподавателями.

— Да, непремѣнно нужно! Нечего времени терять, осталось всего три недѣли!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Нужно, нужно сняться! Три года вмѣстѣ прожили, а тамъ неизвѣстно, увидимся ли другъ съ другомъ!—подтвердили еще голоса.

— А не лучше ли однимъ сняться, безъ преподавателей?—возразилъ одинъ изъ воспитанниковъ.

— Почему же однимъ? Во-первыхъ, съ преподавателями дешевле обойдется, а во-вторыхъ, они обидятся, когда узнаютъ, что мы одни снимались; въ-третьихъ, мы оскорбимъ директора...

— Я не хочу сниматься съ директоромъ и преподавателями потому, что не хочу лжи и лицемѣрія! А сниматься семейной группой, когда въ дѣйствительности не было семейныхъ отношеній, - ложь. Нѣкоторыхъ преподавателей я презираю, у меня къ нимъ одно чувство брезгливости!...—заявилъ возражавшій воспитанникъ.

— Вѣрно, вѣрно!—подтвердили еще три голоса.

Классъ разбился на партіи. Человѣкъ семь изъ медалистовъ и „пѣнекъ“ упорно защищали сниманье съ директоромъ и преподавателями; четверо были противъ; остальные болѣе склонны были сняться одни, но чтобы не разстраивать дѣла, соглашались сняться и съ преподавателями.

— Снимайтесь вы съ преподавателями, а мы отказываемся отъ участія,—послѣ горячихъ дебатовъ категорически заявили четверо.

— А мы несогласны сниматься безъ преподавателей!– отвѣчала противная партія.

Дѣло разстраивалось. Случайно черезъ три дня послѣ описаннаго въ институтъ явился какой-то странствующій фотографъ и, нахваливая свой аппаратъ, предлагалъ воспитанникамъ сняться группой. Всѣ обрадовались неожиданному предложенію, выводящему изъ затруднительнаго положенія, вышли на институтскій дворъ и снялись группой безъ преподавателей. Не участвовали двое: одинъ отказался (онъ получилъ золотую медаль), а другой лежалъ на койкѣ, кашляя кровью.

А время шло. Экзамены кончались. Первый и второй классы уже разъѣхались по домамъ. Въ два предыдущіе года директоръ въ день акта устраивалъ „прощальный обѣдъ“ преподавателей съ молодыми учителями. Такъ какъ недовольство преподавателями обнаружилось, когда рѣшали вопросъ о сниманіи, то стали раздаваться голоса, что надо заранѣе принять рѣшеніе относительно „прощальнаго обѣда“. Была суббота. Утромъ происходилъ послѣдній экзаменъ; вечеромъ послѣ всенощной назначено было засѣданіе педагогическаго совѣта, на которомъ распредѣлялись награды; на слѣдующій день объявленіе

объ окончаніи курса, обѣдня съ благодарственнымъ молебномъ и „прощальный обѣдъ“.

Около пяти часовъ, когда всѣ воспитанники были вмѣстѣ, они собрались въ классъ рѣшить вопросъ: быть или не быть обѣду. Опять образовались тѣ же партіи, какъ тогда, когда спорили о сниманіи. Кандидаты на полученіе медалей отстаивали обѣдъ, выставляя тѣ же аргументы, какъ раньше въ пользу сниманья съ преподавателями.

— Директоръ два года уже устраивалъ эти обѣды. Онъ вводитъ ихъ въ обычай. Мы оскорбимъ его и преподавателей, если откажемся. Да и стоитъ ли подымать канитель для послѣдняго дня? А лучше бы пообѣдать, да послѣ гдѣ-нибудь собраться однимъ...— говорили защитники обѣда.

— Зачѣмъ, Гриша, отказываешься отъ обѣда? Шампанское будетъ... Съ директоромъ, а то съ попомъ рядомъ сидѣть будешь. Такой сладости послѣ и во снѣ не увидишь, - подтрунивалъ одинъ воспитанникъ надъ другимъ, который отмахивался отъ обѣда.

Партія противниковъ обѣда была многочисленнѣе. Замѣтивъ это, медалисты стали незамѣтно выходить изъ класса и расходиться изъ института „по своимъ дѣламъ“. Въ классѣ осталось человѣкъ 12. Рѣшено было отказаться отъ обѣда.

— Чѣмъ же мотивировать отказъ?

— Скажемъ, что лучше отдать ассигнованныя на обѣдъ деньги голодающимъ.

Такъ какъ всѣ мялись, и ни у кого не хватало смѣлости итти къ директору, рѣшили вызвать дежурнаго преподавателя и попросить его передать директору отказъ отъ обѣда. Дежурнымъ былъ Шаховской. Послѣ казеннаго институтскаго обѣда, оставшись одинъ въ учительской комнатѣ, онъ успѣлъ уже закусить и выпить. Когда онъ вошелъ въ классъ, на покраснѣвшемъ лицѣ его съ мутными глазами выражалось смущеніе, испугъ и вопросъ. Онъ былъ замѣтно пьянъ. Онъ силился улыбнуться, но улыбка вышла жалкой. Воспитанники окружили его молча съ серьезными лицами.

„Ужъ не бить ли хотятъ?“—выразилось у него на лицѣ. Съ минуту продолжалась пауза.

— Вы, Александръ Петровичъ, говорили, что завтра предполагается „прощальный обѣдъ“ съ преподавателями?—началъ одинъ изъ воспитанниковъ.

— Да, Алексѣй Ивановичъ (директоръ) сказалъ, что, какъ всегда, будетъ прощальный обѣдъ.

— Такъ мы васъ просимъ передать директору, что мы желали бы отказаться отъ обѣда.

— То есть, какъ отказаться? Шампанское будетъ... — пролепеталъ растерянно Шаховской, усиленно моргая и не понимая, въ чемъ дѣло.—Да неужели вы хотите отказаться отъ обѣда!?—вдругъ съ ужасомъ произнесъ онъ, понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Да, мы желали бы отказаться,—робко отвѣтило нѣсколько человѣкъ.

— Почему же, господа, вы отказываетесь?

— Во-первыхъ, потому, что на этомъ обѣдѣ мы чувствовали бы себя стѣсненными, а во-вторыхъ, такъ какъ этотъ годъ голодный, то деньги, ассигнованныя на шампанское и другую роскошь, лучше послать голодающимъ.

— Да почему вы думаете, что будете себя чувствовать стѣсненными? Это пустяки! Вѣдь вы теперь ужъ учителя. Чтобы прогнать стѣсненность-то, и будетъ шампанское! Хе... хе... хе!.. А о голодающихъ

вамъ нечего заботиться. Богъ съ ними—съ голодающими... Что же намъ самимъ теперь изъ-за нихъ голодать?

— Ну, безъ шампанскаго-то обойтись можно,—замѣтилъ кто-то.

— У меня и языкъ не повернется,—продолжалъ Шаховской, — сказать Алексѣю Ивановичу, что вы отказываетесь отъ обѣда. Какъ я покажусь на глаза ему послѣ вашего отказа? Какимъ ударомъ будетъ для него вашъ отказъ! За что вы хотите его такъ обидѣть? Мы всѣ считали вашъ классъ образцовымъ, а вы—не знаю, за что хотите нанести оскорбленіе и Алексѣю Ивановичу и преподавателямъ!.. Да они уже и приглашены на обѣдъ: обѣдъ поэтому отмѣнить нельзя.

— Вотъ видите, Александръ Петровичъ, обѣдъ устраивается для насъ, а насъ не спросили, пріятно ли намъ будетъ на немъ присутствовать? Преподавателей увѣрили, что воспитанники будутъ осчастливлены ихъ присутствіемъ, а теперь воспитанниковъ вы увѣряете, что преподаватели будутъ осчастливлены этимъ обѣдомъ и будутъ оскорблены нашимъ отказомъ. Получается одна сплошная ложь! Для кого-то воспитанники и преподаватели должны разыграть глупую комедію, одинаково непріятную и тяжелую какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. Для кого-то нужно показать существованіе идиллическихъ, трогательныхъ, семейныхъ отношеній, тогда какъ дѣйствительность была такъ далека отъ подобныхъ отношеній! Всѣ участники трогательнаго обѣда должны пріятно улыбаться и въ то же время знать, что все это ложь!..

— А-а, если вы такъ думаете, — перебилъ Шаховской говорившаго воспитанника, значительно

взглянувъ на него, — то, конечно, я долженъ передать ваше желаніе директору.

И Шаховской вышелъ изъ класса. Всѣ облегченно вздохнули. Черезъ часъ Шаховской, войдя въ классъ, заявилъ:

— Директоръ сказалъ, что обѣдъ будетъ, — и, не говоря больше ни слова, вышелъ изъ комнаты.

Наступило тягостное молчаніе. Нѣсколько человѣкъ вспомнили, что имъ нужно передъ отъѣздомъ покончить съ какими-то дѣлами, и ушли изъ института до завтрашняго утра. Въ классѣ осталось около десяти человѣкъ.

— Господа, надо кому-нибудь итти къ директору и категорически отказаться отъ обѣда!—сказалъ кто-то.

Это думали всѣ, и каждый въ то же время думалъ: „пусть кто-нибудь идетъ, только не я. Всѣ мы еще въ рукахъ директора: дастъ характеристику въ округъ, и загонятъ помощникомъ въ не столь отдаленный городъ“. Наступила минута нерѣшительности. Всѣ мялись на мѣстѣ, поглядывая другъ на друга. Не хотѣлось уступить, и ни у кого не хватило рѣшимости итти къ директору.

— Придется жребій бросить!—сказалъ одинъ воспитанникъ.

— Въ такомъ случаѣ я иду! — рѣшительно заявилъ воспитанникъ Семеновъ, 30-лѣтній мужчина, бывшій сельскій учитель.

Всѣ удивленно и съ улыбкой посмотрѣли на него. Человѣкъ онъ былъ смирный, съ весьма ограниченными способностями; иногда только онъ огрызался на двойки и насмѣшки преподавателей. Никто не ожидалъ отъ него такой прыти. „Гриша“, надъ которымъ всегда всѣ подсмѣивались, вдругъ дѣлался героемъ. Это было смѣшно. Но „Гриша“ всѣхъ вы-

водилъ изъ затруднительнаго положенія, поэтому всѣ охотно согласились съ его предложеніемъ, и всѣмъ сразу стало весело. Послѣ всенощной передъ засѣданіемъ педагогическаго совѣта „Гриша“ долженъ былъ заявить директору объ отказѣ отъ обѣда. Довольные окончаніемъ дѣла нѣсколько воспитанниковъ, бывшіе въ числѣ десяти и особенно упорно отстаивавшіе отказъ отъ обѣда, ушли изъ института до слѣдующаго утра.

Явившись на слѣдующій день утромъ въ институтъ, воспитанники увидали, что во всю длину залы поставлены столы, покрытые бѣлой скатертью. Буфетчикъ раскладывалъ по столамъ приборы: шли приготовленія къ торжественному обѣду.

— Что это? Что это значитъ?—пораженные, спрашивали они товарищей, которые съ виноватымъ видомъ, не глядя другъ на друга, ходили по классу и залѣ, стараясь не встрѣчаться по дорогѣ. Оказалось, что „Гриша“ послѣ всенощной незамѣтно улизнулъ изъ института, ни слова не сказавъ директору, а изъ остальныхъ оставшихся въ институтѣ воспитанниковъ никто не рѣшился отказаться отъ обѣда. По адресу Гриши посыпались ругательства: „подлецъ, предатель!“ Гриша не отвѣчалъ, стараясь держаться въ укромномъ мѣстѣ.

Сторонники обѣда улыбались, посматривая на приготовленія, а остальные чувствовали себя такъ, какъ будто каждый сдѣлалъ подлость. Это чувство не оставляло ихъ во все время, когда директоръ поздравилъ съ окончаніемъ курса, объявилъ присужденныя награды—двѣ золотыхъ и пять серебряныхъ медалей, когда шла обѣдня и когда затѣмъ начался самый обѣдъ.

Несмотря на приглашеніе директора сѣсть впе-

ремежку съ преподавателями, воспитанники, недовольные обѣдомъ, сбились въ одинъ уголъ. Къ нимъ подсѣлъ преподаватель естественной исторіи, находившійся въ оппозиціи къ директору. Директоръ посадилъ по правую сторону отъ себя воспитанника, получившаго золотую медаль, а по лѣвую—серебряную. Тотъ, который получилъ серебряную, оказался между директоромъ и законоучителемъ. Лицо его было красно, шея неестественно вытянулась впередъ; онъ робко косился то направо, то налѣво и не смѣлъ поднять глазъ и взглянуть въ противоположный уголъ на товарищей, откуда на него смотрѣли насмѣшливыя лица.

За столомъ сидѣло 48 человѣкъ. Директоръ провозгласилъ тостъ. Раздалось „ура“... въ четыре голоса: директора, Циферблатова, преподавателя бухгалтеріи и Шаховского! Голоса первыхъ трехъ скоро оборвались, и въ залѣ послышалось „а-а-а“, которое жиденькимъ, дребезжащимъ голоскомъ тянулъ Шаховской. На концѣ стола, гдѣ сидѣли недовольные обѣдомъ, раздался сдержанный, но дружный смѣхъ. Директоръ нахмурился и сталъ смотрѣть острымъ, злобнымъ взглядомъ на тотъ край стола, откуда послышался смѣхъ.

Послѣ тоста и „ура“ въ залѣ наступила гробовая тишина. Сторожа приносили кушанья. Изъ преподавателей и воспитанниковъ одни молча и лѣниво ѣли, другіе дѣлали видъ, что ѣдятъ. Гробовая тишина нарушалась лишь Шаховскимъ, который сидѣлъ противъ директора и, занимая общество разговоромъ, разсказывалъ анекдотъ про какую-то старушку-генеральшу. Тягостное, напряженное состояніе дѣлало „прощальный обѣдъ“ невыразимо длиннымъ.

„Когда же этому обѣду будетъ конецъ!“—эта мысль

неотвязно, какъ гвоздемъ вбитая въ голову, преслѣдовала многихъ участниковъ обѣда. Но вотъ загремѣли отодвигаемые стулья, и, не нарушая тишины, преподаватели стали прощаться съ своими бывшими воспитанниками. Поочереди подходили молодые учителя къ директору, который каждому пожималъ руку. А рядомъ съ директоромъ стоялъ законоучитель, благословлявшій всѣхъ и цѣловавшій нѣкоторыхъ, очевидно, особенно благочестивыхъ. Наконецъ, обрядъ прощанья кончился, молодые учителя остались одни.

— Ѣдемъ, господа, за городъ; смоемъ все, что здѣсь къ намъ пристало, и проведемъ послѣдній вечеръ по-товарищески!—предложило сразу нѣсколько голосовъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! — отвѣчали остальные — Теперь къ чорту институтъ, онъ позади насъ!

Въ поѣздкѣ приняли участіе противники обѣда, желавшіе чѣмъ бы то ни было прогнать то гнетущее настроеніе, которое было вызвано обѣдомъ. Отъ нея отказались только двое, не желавшіе при отсутствіи товарищескихъ отношеній объединяться за бутылкой.

Часу въ двѣнадцатомъ ночи къ институту подъѣзжали извозчики, и институтскіе сторожа вводили и вносили учителей, этимъ днемъ начавшихъ свою самостоятельную жизнь. Одного привезли въ безчувственномъ состояніи. Это былъ девятнадцатилѣтній юноша, раньше никогда не пившій водки. Голова его свѣсилась на грудь; молодое, красивое лицо было мертвенно блѣдно, глаза закрыты...

С. Николаевъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА